

Вступление

24-ое марта, выпускная церемония.

Для учащихся третьего года учебный процесс подошёл к концу, и наступает большое событие. И хотя для остальных учеников это простое мероприятие, но есть и исключение.

Прежде всего, меня интересует результат соревнования между братом Хорикиты и Нагумо. Я до сих пор не знаю исхода битвы, которая велась до самого конца. Удалось ли Хориките-старшему остаться в классе А или же он потерпел поражение из-за вмешательства Нагумо? Я думал, что узнаю результат вчера, пока у меня был выходной, но мне так и не удалось выйти из комнаты ни на шаг, потому что было чем заняться.

В любом случае, я могу узнать всё сегодня. Тем не менее, мне просто интересно, на что же похож выпускной вечер? Будь то выпускной или церемония закрытия, но вы определённо будете испытывать некое возбуждение от предстоящего события.

И вот, когда до начала оставалось не так много времени, я запер свою комнату и пошёл в школу.

— Доброе утро.

В лифте я столкнулся с Кейсеем, который довольно непринуждённо поздоровался со мной. Мы не пытались разговаривать о чём-то особенном, потому что рядом с нами стояли также ученики из других классов. И даже очутившись в вестибюле общежития, продолжали идти, болтая о всякой всячине.

— Пусть даже мы и смогли достичь класса С, но, в результате, мы снова вернулись в самое начало.

Его ворчание растворилось в ясном небе и исчезло, словно его и не было. Класс С был побеждён на последнем специальном экзамене и, в результате, мы снова оказались в классе D. Некоторые ученики были шокированы, узнав об этом, но к счастью, соперником оказался класс А.

Благодаря очкам защиты, я стал лидером, который смог всех успокоить. В такой ситуации уже ничего не поделаешь. Разве что с достоинством бороться до самого конца. И хотя в конечном счёте мы снова очутились в классе D, это не то, на что следует обращать внимание, для того чтобы увидеть наш прогресс.

***Предварительные результаты на конец марта:

Класс А, лидер – Сакаянаги: 1131 очко;

Класс В, лидер – Ичиносе: 550 очков;

Класс С, лидер – Хорикита: 347 очков;

Класс D, лидер – Рьюен: 508 очков.***

Этот подсчёт только под конец марта.

Обычно классные очки определяются в первый день каждого месяца, так что сейчас мы всё ещё не спустились до класса D. Рьюен же, вместе со своими одноклассниками, уже, можно сказать, вернулся обратно в класс С. Причём существует довольно маленькая разница в очках между классом В и классом С. Как только наступит 1-ое апреля, рейтинг классов изменится официально. Но не стоит забывать, что из-за различных ситуаций, возникающих в этой школе, количество классных очков меняется каждый месяц. В классе Ичиносе много хороших учеников, относящихся ко всему серьёзно, и класс Рьюена, который нельзя назвать лучшим даже из лести.

Возможно, разница в классных очках также влияет на людей с точки зрения личной жизни. Ученики из класса В, вероятно, в такой ситуации чувствуют себя более комфортно.

Тем не менее, Ичиносе удалось сохранить класс в полном составе к концу учебного года. В данный момент, разница между классом С и классом В составляет лишь 42 очка. Уже на следующем специальном экзамене у Рьюена есть неплохая возможность оказаться в классе В.

Глядя на всё это, можно подумать, что отстающими являемся лишь мы – те, кто снова опустился в класс D. Но тут важно вспомнить наши результаты за апрель и май прошлого года.

Год назад все классы начинали учебу с 1000 очками. Тогда ещё нельзя было увидеть ни достоинств класса А, ни недостатков класса D. Сейчас, когда я об этом подумал, мне стало понятно, что это был идеальный шанс оказаться наверху... Тем не менее мы, класс D, потеряли все очки менее чем за месяц. В результате...

Классные очки по состоянию на 1-е мая прошлого года:

Класс А, лидер – Сакаянаги: 940 очков;

Класс В, лидер – Ичиносе: 650 очков;

Класс С, лидер – Рьюен: 490 очков;

Класс D, лидер – Хорикита: 0 очков.

Именно в мае мы потеряли все свои очки. Таким образом, в течение этого года мы набрали 347 классных очков. Конечно, итоговый результат будет немного ниже из-за прогулов и прочего, но всё равно будет что-то между 330 и 340. По крайней мере, я думаю, именно так и будет.

Если же сравнить количество набранных нами очков с классом А, у которого прирост составил лишь 191 очко, то мы, безусловно, лидируем. Можно сказать, было бы ещё лучше, если бы очки нашего класса не упали до 0 год назад. Однако, перейдя на 2-ой год, классу ни в коем случае не стоит расслабляться. Если мы позволим себе что-то подобное, то разрыв в очках никогда не уменьшится.

Нужно также учитывать, что улучшились не только лидерские качества Хорикиты, Хираты, но и способности ребят, в целом. Исходя из всего этого, способность конкурировать с лучшим классом уже не кажется чем-то нереальным.

Как только шедшие сбоку от нас люди отдалились, Кейсей сразу заговорил.

— Всё в порядке. Большинство одноклассников тебя почти не винят.

Думаю, он имеет в виду, что некоторые всё же говорят, что капитан из меня вышел никудышный. Конечно, на самом деле, мне как-то всё равно, но я был рад такой искренности.

— Большинство, да?

Наверное, за этими словами скрывалось желание утешить меня. Как бы то ни было, всё равно найдётся несколько недовольных мною учеников.

— Ну... конечно, всё вышло не идеально. Но это не значит, что ты где-то ошибся. Просто капитаном должен был быть человек с более твёрдым характером.

Я понимаю, что в каком-то смысле это обвинение не было чем-то необычным. Люди нерациональны, и даже если человек согласился с чем-то в первый раз, то не факт, что он не скажет обратное в следующий.

Неудивительно, что появились недовольные, находящие причину неудачи класса D в «разнице между способностями капитанов».

— Но правы ли эти ребята? Никого тогда не волновало, кто станет капитаном. Лишь бы у этого человека были очки защиты.

В то время, как мои одноклассники высказывали подобные жалобы, Кейсей меня, кажется, полностью поддерживал.

— По большому счёту ты прав, но есть же Рьюен в качестве примера.

Когда я сказал это, Кейсей горько улыбнулся и покачал головой.

— Он особенный. Я не думаю, что в его планы входило такое сумасбродство. По факту, то, что Рьюен был единственным среди капитанов, у которого не было очков защиты, вызвало ошеломление, приведшее к поражению его противника.

На первый взгляд, это может показаться правдой. Но на самом деле проблема не только в этом. У Рьюена была стратегия победы. Он продумал всё с самого начала.

— Послушай, Киётака. Я хочу кое о чём тебя спросить...

Когда я уже подумал, что на этом наш разговор завершился, Кейсей решил поднять другую тему.

— Почему ты не передал Хориките, что я пытался переманить Кацураги на нашу сторону?

Чтобы победить класс А на итоговом специальном экзамене, Кейсей решил переманить Кацураги, потерпевшего поражение от Сакаянаги в прошлом, на нашу сторону. Однако Хорикита отклонила это предложение, потому что оно влекло за собой огромный риск, да и, в целом, было трудноосуществимо.

Но, несмотря на это Кейсей всё же решился действовать в одиночку и связался с ним без её разрешения.

— Это было не так важно, так что не думаю, что это что-либо решило.

Кейсей, кажется, всё равно об этом не беспокоился. Хотя я и знал это наверняка, но всё равно решил сказать что-то в утешение.

— Кацураги относится к такому типу людей, которые ни за что не пойдут на подлость. Если бы он был таким же, как Сакаянаги или Рьюен, это могло бы стать по-настоящему разрушительным воздействием.

Похоже, я искренне пытаюсь успокоить человека, который нисколько об этом не волновался. Судя по тому, что Кейсей затронул эту тему, он уже успел рассказать Хориките об истории с Кацураги.

— ...Ну, в общем, я сам поговорил с Хорикитой. Я подумал, что должен был взять на себя ответственность.

Он спокойно сказал о том, что признаёт свою вину.

— Киётака, у тебя, получается, уже тогда была мысль, что Кацураги не сможет предать свой класс, верно?

— Да, но... вообще...

Будь то 50% или 1%, это всё ещё оставалось возможным.

— Если честно, я не доложил об этом Хориките просто потому, что забыл. Моя голова была занята лишь мыслями о том, смогу ли я правильно исполнить роль капитана. Я не был тогда уверен, что у нас всё будет хорошо только из-за того, что Кацураги помог бы нам. Так что мы с тобой в одной лодке.

В итоге, обе стороны принесли друг другу извинения, и на этом историю с Кацураги можно было бы уже закрыть.

— Может и так. Но я всё ещё думаю об этой перспективе. Даже с учётом рисков, в первую очередь Кацураги не стоило с этим мириться.

Мы не можем изменить прошлое. Но всегда можно оглянуться и подумать, что было бы если...

— Тогда я поддался этому сладостному искушению, так что я тоже виноват в этом. Я ведь стоял рядом с тобой и так ничего и не сказал.

— Знаешь, когда ты сказал это, мне действительно стало немного лучше.

Правда была в том, что в то время как многие ученики практически ничего не делали, Кейсей отчаянно пытался найти и сделать что-то, что привело бы нас к победе.

— Но, даже если это и не сработало, мы ведь смогли получить хороший опыт, верно? Подобные стратегии не будут работать вот так просто.

Вы можете многое извлечь из своих ошибок. И только от вас зависит, сможете ли вы добиться победы благодаря своему опыту или же нет.

— ...Да, ты прав. Я слишком хотел победить и не видел дальше своего носа. Насколько же я был глуп.

После этого самоанализа, он горько улыбнулся. Конечно же, этот план был слишком наивным, но Кейсей хотя бы попытался что-то сделать.

— Кейсей, как же, в итоге, отреагировала Хорикита?

— Хорикита не обвиняла меня. Даже если бы я ничего не делал, я всё равно мог навредить всему классу. Наоборот, она сказала, что если у меня появится ещё какая-нибудь идея, то она выслушает меня. Но, естественно, она также посоветовала мне отказаться от моих «храбрых ног*».

[П\П: Идиома. Русский аналог - «не бежать впереди паровоза».

Очевидно, Хорикита думала так же. Люди учатся на своих ошибках. Невозможно стать лидером, если вы смотрите только на результат. Рано или поздно, но человек перестанет делать ошибки.

— Честно говоря, я до сих пор не видел в Хориките нашего лидера. Конечно, она очень умна, да и в физическом плане она хорошо развита. Но я просто не мог принять её из-за того, что она всегда смотрит на всех сверху вниз.

Я не мог это отрицать. По крайней мере, на данный момент она и рядом не стоит с Хиратой или Ичиносе, обладающими сильными лидерскими качествами.

Хотя вы можете завести союзников, но неизбежно наживёте и врагов.

— Но...со мной ведь то же самое. Я не только не воспринимал всерьёз спортивную подготовку, но и смотрел свысока на других глупых ребят. Так что я наступил на те же грабли, что и она.

Когда Кейсей только поступил в эту школу, он действительно презирал людей, которые отставали в учёбе. Возможно, это было из-за того, что он считал академические навыки всем, раз он учится пока только в школе.

— Нынешний я и Кейсей год назад - разные люди*. Слишком большая разница... Ох, как-то это странно для меня. Конечно, для меня учёба всё ещё на первом месте. Но теперь я понимаю, как важно общение и дружба. Всё немного изменилось, и теперь эти вещи для меня кажутся более надёжными, чем раньше. Я понял, как это важно. Но то же самое касается и Хорикиты. Хоть и понемногу, но всё же она постоянно менялась. Я чувствую себя спокойнее и стабильнее, чем раньше.

[П\П: Если кто не понял, это Кейсей говорил о себе.]

Кейсей снисходительнее относится к группе Аянокоджи, чем к остальным. Тем не менее, исходя из уверенности в его голосе, он искренне хвалил Хорикиту и то, кем она стала.

— Видимо так и есть.

С этим мнением легко согласиться.

Хотя это заняло год, учащиеся начали видеть, что Хорикита стала чаще принимать участие в жизни класса. После голосования, остальные наши одноклассники постепенно начали принимать Хорикиту. Основными причинами этого являются не уровень стратегической согласованности и не хорошие лидерские качества. Это потому, что барьеры в сердце самой Хорикиты постепенно начали ломаться. Когда она всё же поняла, что её что-то сдерживает, у неё просто не было другого выбора, кроме как заручиться поддержкой других учеников и отсечь свои слабости. Примерно то же самое произошло и с Кейсеем.

— Конечно, я не думаю, что Хорикита права во всём. Если ты считаешь, что она приняла неверное решение, я соглашусь без колебаний. Или я где-то ошибся?

Вот так Кейсей подытожил свои мысли.

Он верит в то, что вызывает доверие, и сомневается в том, в чём действительно нужно сомневаться.

— Нет, конечно же, ты прав. Именно так и должно быть в классе.

Хорикита всего лишь такой же ученик старшей школы – как и мы – независимо от того, хотим мы на неё положиться или нет.

Иногда мы совершаем большие ошибки. И когда это происходит, нет ничего плохого в том, что нам на них указывают. Вы можете вместе работать над решением этих проблем. В классах, где царит диктатура как у Рьюэна или Сакаянаги, такое невозможно. В любом случае наш класс в этом отношении, скорее, ближе к классу Ичиносе. И сейчас важно сократить разрыв в способностях между нашими классами.

Часть 1

Спортзал.

Здесь собрались все учащиеся и преподаватели, а также другие взрослые люди, заинтересованные этим мероприятием. Они выстроились в очередь и с теплом наблюдали за выпускным.

Наступил момент, когда ученики третьего года сделают большой шаг вперёд к новому началу.

Здесь находятся те, кто будет поступать в университеты, те, кто начнет работать и те, кто ещё

не определился с выбором и хочет просто сделать паузу.

Эти дети скоро вступят общество взрослых людей.

Через два года мы так же будем стоять на их месте. Что я думаю насчёт этого?

Даже если я заранее определюсь с выбором, скорее всего всё пойдёт иначе. Мне достаточно верить, что знания, которые я получил здесь, пригодятся мне в будущем.

— Теперь я хочу дать слово представителю класса, который боролся все эти три года и в результате выпустился в классе А.

Ответственный за сцену взрослый сказал это в микрофон. Во всём зале на мгновение воцарилось тишина.

— И представитель класса А...

Пока неизвестно, названный ученик – Хорикита Манабу или кто-то из другого класса. В конце концов, в рейтинге классов могли произойти огромные изменения из-за результатов итогового специального экзамена. Многие ученики переживают сильные чувства в этот момент. Помимо зачисления в эту школу, главной их целью является выпуск в А классе.

— Перед вами Хорикита Манабу-кун.

Услышав это имя, в глубине души Хорикита, должно быть, почувствовала облегчение.

Ещё неясно, что именно Нагумо предпринял, но Хорикита успешно выпустился в классе А.

Подойдя к сцене, он перевёл взгляд на учеников и других заинтересованных людей.

— В этот день, когда можно почувствовать весенний ветерок с запахом сливы, мы отмечаем выпускную церемонию, — началась речь брата Хорикиты.

Он начал рассказывать о том времени, когда он поступил в школу три года назад.

— Я хорошо помню тот момент, когда я вошёл в стены школы Кудо Икусей. Я чувствовал, что здесь царит другая атмосфера, нежели в других школах. Я взял на себя большую ответственность, поклявшись пройти этот трёхгодичный этап.

Я ощущал некоторое спокойствие в его неспешной манере разговора. Есть нечто такое, что отличало его от президента студсовета, который стоял на этом же месте год назад, на

церемонии зачисления. Я чувствовал эту перемену. И дело было не только в брате Хорикиты. Другие ученики тоже изменились за это время.

— Я общался с первогодками в прошлом году как представитель студсовета.

Хорикита словно прочёл мои мысли.

— Я чётко могу разглядеть, как вы выросли по сравнению с тем, что я видел год назад.

В прошлом году брат Хорикиты встретил нас молчанием. Но было и то, что мы не видели тогда.

Хорикита по-тёплому обратился к другим ученикам, будучи таким же учеником, что и они.

— И я надеюсь, что ученики второго года после того, как перейдут на третий, продемонстрируют все свои способности, соблюдая правила этой школы.

Затем, через несколько минут, его речь подошла к концу.

— Я гарантирую, что всё, что мы изучали в этой школе, будет для нас ценным достоянием во взрослой жизни.

И снова брат Хорикиты пристально посмотрел на учеников.

— Через год или через два, стоя на моём месте, я уверен, что вы сможете понять, о чём я говорю.

«Стоя на моём месте».

То есть речь идёт о лидере класса А. Если речь идёт о второгодках, то это, возможно, Нагумо? Или о первогодках, где ещё идёт жесткое противостояние. Это может быть Хорикита, Ичиносе, Рьюен или Сакаянаги. Или кто-то другой, кто станет новым лидером?

И хотя мы уже прошли треть пути, но с другой стороны, это всего лишь треть. Рейтинг классов продолжит изменяться, а ученики продолжают уходить из школы. Тем не менее, лишь лидер лучшего класса получит возможность стоять на этой сцене в качестве представителя.

Постепенно брат Хорикиты продолжал свои слова, подходя к концу.

— Большое спасибо вам за эти три года.

В конце концов, всё заканчивается.

После этого речь переходила от учеников к преподавателям. Большая речь подошла к концу, а с ней и церемония выпуска переходит к следующему этапу.

Часть 2

После окончания церемонии мы с остальными учениками пошли на выход. Все разошлись по классам. Выпускники, их родители и преподаватели собрались, чтобы начать благодарственную вечеринку. На этой вечеринке родители выпускников встречаются с преподавателями. Кажется, сейчас ученики уже могли спокойно уйти в свои комнаты, но те, кто был причислен к какому-то клубу, или же те, кто дружили с учениками с третьего года, остались ждать выпускников.

Никто не знал, расскажут ли они что-то особенное, когда будут уходить. Многие нервничали и умолкали.

— Ну, мы сможем ещё поговорить завтра на церемонии закрытия, но давайте пока подведем итоги этого семестра.

Чабашира, подождав, пока все сядут на свои места, посмотрела на учеников и заговорила.

— Мы все были удивлены тем, насколько сильно вы выросли. Вы хорошо выступили на экзамене и показали достойную борьбу против класса А в этом состязании.

Пусть это и было поражение, но Чабашира продолжала хвалить нас.

— Год назад передо мной были совершенно другие люди. Вы действительно повзрослели.

— Но сенсей! Всё, чего мы смогли достичь, это лишь вернуться в класс D. Разве это не ужасно?
— ответил Ике с явным разочарованием в голосе.

— Да, конечно, вы сделали круг и оказались там же, откуда и начинали. Но, несмотря на это, вы определённо выросли и стали лучше. Оценивать способности учеников можно не только по разнице в классных очках.

— Что-то мне становится не по себе, когда я слышу такие слова от сенсея.

Неудивительно, что Судо высказал этот комментарий на слова Чабаширы. Скорее всего, она хотела сказать, что в дальнейшем нас ждет ещё больше испытаний.

— Всё нормально, я действительно так считаю. Я 4 года работаю преподавателем и уверена, что вы лучшие ученики из тех, что у меня были. Однако мои слова также могут подходить и для учителей других классов. Тем не менее, сможете ли вы стать первыми среди всех, зависит только от того, будете ли вы так же продолжать выкладываться изо всех сил.

Пум. Она слегка стукнула по доске в знак окончания своих слов.

— Завтра - церемония закрытия. Не забывайте, что отсутствие занятий не меняет того факта, что это всё ещё не выходной день.

После того, как Чабашира закончила говорить, все ученики начали расходиться по своим делам.

Я не могу предсказать, сколько останется людей к концу 3-го года, но что насчёт моей соседки по парте? Она - младшая сестра человека, который стал президентом студсовета, а после - выпустился из класса А, будучи лидером всего класса.

Она твёрдо устояла на классную доску и, казалось, о чём-то думала. Я боялся, что она может огрызнуться, но всё-таки решился спросить:

— Ты идёшь?

— Ты о чём?

— Мне кажется, это вполне очевидно.

— Если ты о моём брате, я не хочу сейчас с ним видеться

Хорикита сказала это и посмотрела в сторону. Она... не хочет с ним видеться?

— Разве ты не смогла наладить с ним общение? Вы ведь разговаривали тогда, во время классного голосования.

— Это ведь не имеет никакого отношения к тебе, разве нет? Это наши с ним личные проблемы.

Может это и так, но в данный момент, проблема ведь в тебе...

— Если ты не решишь это сейчас, всё затянется, и ваши отношения останутся именно такими.

— Я... знаю...

Несмотря на то, что лёд между ними начал таять, она всё равно не хочет предпринять что-нибудь для улучшения ситуации.

Это из-за того, что отношения между ними были слишком напряжены на протяжении многих лет?

— Я собираюсь встретиться с ним.

— А? Ты хочешь встретиться с моим братом?

Обычно я не очень-то забочусь о других людях, поэтому Хорикита сильно удивилась.

— Конечно, мы не очень-то и ладим, но ведь сегодня последний день, когда с ним можно увидеться.

Это не самая плохая идея, чтобы просто поздороваться.

— Вот как...

— Что-то не так?

— Нет, ничего такого. Если хочешь встретиться с ним, то пожалуйста.

По её лицу было заметно, что что-то всё же было не так, но я не стал углубляться в это.

Я встал со своего места. В это время большинство учителей празднуют на благодарственной вечеринке. Временный директор Цукиширо, скорее всего, так же находится в том месте.

— Куда ты идёшь?

— Займусь чем-нибудь. Вечеринка всё равно продлится какое-то время. Если ты всё же хочешь встретиться с братом, почему бы тебе не присоединиться к нам позже?

— Я подумаю над этим... Как считаешь, сколько она продлится?

И пусть она сказала, что не собирается этого делать, но, кажется, сейчас она уже поменяла своё решение.

— Где-то час или два. Около того, я думаю.

На благодарственную вечеринку выделили девяносто минут, так что до её окончания было довольно много времени. А это значит, что я могу сделать то, что должен.

Часть 3

23 марта, за день до церемонии выпуска.

Ночью, сразу после окончания итогового специального экзамена, я позвонил одному человеку.

— Да, это Сакаянаги, — ответил мне спокойный голос взрослого человека.

И это была не Арису, а её отец – бывший директор школы, попавший в ловушку Цукиширо. Вероятно, директор Сакаянаги, ответивший на звонок, не знал моего номера.

— Прошу прощения, что так поздно. Я – Аянокоджи.

Сперва мне нужно представиться, чтобы он всё же понял, с кем говорит.

— А? Аянокоджи?.. Аянокоджи-кун?

По голосу было понятно, что директор сильно удивился, услышав мою фамилию.

Нужно сказать заранее, что я звоню не просто так.

— Прошу прощения за столь внезапный звонок.

— Нет, что ты, я просто немного удивлён. Откуда у тебя мой номер?

— Я спросил его у вашей дочери. Это ведь номер, по которому вы разговариваете со школьными работниками.

Когда я спросил номер у Сакаянаги по дороге из школы до общежития после окончания экзамена, она сразу же мне его дала.

— Вы ведь дали этот номер также и вашей дочери?

Я думаю, таким образом он хотел уделить ей больше внимания и заботы.

По крайней мере, я так думал, но реакция директора Сакаянаги удивила меня.

— Арису?.. Эм... Но ведь я не давал ей свой номер.

Это отрицание поставило меня в замешательство.

— Ответь честно, когда и где ты получил его?

Это довольно странная ситуация. И я не чувствовал, что он лжёт.

— Разве этот номер обычно скрыт от остальных?

— Ну, его должны знать только учителя. Возможно, они написали его где-то, чтобы затем распространить его среди вовлечённых людей...

В таком случае, получить номер не так уж сложно. Неудивительно, что, Сакаянаги где-то нашла его и сохранила. Тем не менее, директор придерживается справедливости, даже если это касается его дочери.

Не думаю, что он станет ей помогать, даже если она будет упрашивать его. Тогда не понятно, зачем ей запоминать этот номер. Я помню, что когда просил номер у Сакаянаги, она радостно согласилась мне помочь. Возможно, она уже предполагала, что я рано или поздно попаду в такую ситуацию, что мне потребуется номер директора.

— Честно говоря... я даже не знаю, как на это реагировать.

Возможно, для директора не так важно получить ответ на вопрос о том, где я взял этот номер. Скорее всего, проблема в том, что такое вот прямой разговор с учеником не является чем-то нормальным...

— Нет ведь такого школьного правила, запрещающего узнавать номер директора и звонить по нему, не так ли?

Нужно прояснить это заранее. Если такое правило всё-таки есть, мне придётся бросить трубку.

— Конечно же, такого правила нет.

В таком случае, я могу продолжить.

— Я всё равно хотел бы поскорее закончить этот разговор. Тебе что-то нужно от меня?

Он казался озадаченным и беспокойным, в чём его, в принципе, нельзя было винить.

— Директор Сакаянаги, Вас ведь сейчас подозревают в мошенничестве? Это ведь так, я прав?

— Это довольно прямой вопрос. Я не считаю, что для ученика уместно задавать подобные вопросы директору школы.

Он до последнего избегает чёткого ответа на поставленный вопрос. Однако это напрямую связано с темой нашего разговора. Мне нужно и дальше гнуть эту линию.

— Если это, конечно, возможно, я бы хотел всё же получить ответ на свой вопрос.

— ...Аянокоджи-кун. Я не знаю, чего ты добиваешься, но я не могу тебе ответить. Ты ведь понимаешь причину, не так ли?

— Это не то, что можно рассказать ученику, верно?

— Именно.

Положение, в котором оказался директор Сакаянаги. Конечно же, человек, который учится в школе, не имеет никакого к этому отношения. В его словах не было чего-то удивительного. Это была обычная и естественная реакция.

— Я прекрасно понимаю. Но текущие обстоятельства вынудили меня позвонить Вам.

Наверное, прежде всего, нужно объяснить директору Сакаянаги нынешнее положение дел.

— Я, конечно, не знаю твоих обстоятельств, но сейчас ты являешься учеником школы. Аянокоджи и Сакаянаги* никак не связаны между собой. Я надеюсь, и в данном случае будет так же?

[П\П: Имеются в виду их семьи.]

Вместо того чтобы относиться ко мне как к ребёнку, директор Сакаянаги решает тщательно объяснить свою позицию. Если смотреть на его ответ с этой точки зрения, то он определённо считается хорошим человеком.

— Конечно же, точек соприкосновения между мной и директором не больше, чем между мной и остальными учениками или учительским составом. А если даже что-то есть, то я бы не хотел, чтобы эти отношения продвигались вперёд.

На самом деле, я действительно не хочу, чтобы кто-то был выделен этим особым статусом.

— В таком случае я считаю, этот разговор должен быть окончен. Представим, что сегодня ты мне не звонил.

— Нет, это тоже не выход. Тогда не получится решить проблемы «инородного влияния».

Это был некий сигнал для директора, чтобы он всё же выслушал меня. И это только начало.

— О каком «инородном влиянии» ты говоришь?

— Я говорил о действующем директоре Цукиширо.

Если невозможно подойти к делу аккуратно, придётся выложить всё прямо.

— ...Интересно. И что же сделал Цукиширо-кун?

Пусть и немного, но тон его голоса изменился. Идея о влиянии Цукиширо прочно засела у него в голове, заставляя его продолжить этот разговор.

— На последнем экзамене, на котором ученики должны были соревноваться в своих способностях, действующий директор Цукиширо решил действовать в частном порядке и саботировал экзамен. Директор Сакаянаги, неужели Вы об этом не знали?

— Я не могу следить за всем целиком. Цукиширо-кун вмешался в экзамен? О чём, чёрт возьми, ты говоришь?..

Директор Сакаянаги даже сейчас показывает, что ничего не знает об этой ситуации. Так как я не знаю его истинные намерения, то я предположил, что это искренняя реакция.

— Обвинения в неправомерных действиях, которые были предъявлены Вам – тоже дело рук временного директора Цукиширо. Я думаю, что Вы, директор, будучи человеком, ценящим свою беспристрастную позицию, были для них помехой.

На другом конце провода директор Сакаянаги, кажется, задумался. Хотя я и связан с Белой комнатой, но в данный момент – я ученик. Я не тот человек, который может вмешиваться в дела взрослых. Однако если это произошло из-за меня, то это уже совсем другая история.

Скорее всего, он с самого начала догадывался об этом. Однако пока вред не был нанесён, он просто не мог что-либо сделать с этим.

— Но зачем Цукиширо-куну так поступать? Он изначально был человеком у власти. Ему ведь не нужно было от меня избавляться. Прийти в школу для того, чтобы вмешиваться в экзамены?

Я не могу не задать вопрос, зачем ему вообще это делать?

Это последнее подтверждение. Теперь надо проверить, сможет ли он поделиться со мной информацией на равных.

— Цель Цукиширо – исключить меня из школы так, чтобы никто и не понял, что он как-то в этом замешан. Он пришёл в школу только ради этого.

Нужно удостовериться, что он это понимает.

— Если это не основано на фактах, то это очень сомнительное заявление.

— Это, может, и так, но на дискуссии нет времени. «Этот» человек готов выбрать любые методы для достижения своей цели.

Также всё зависит от того, как много Сакаянаги знает о моём отце. Трудно найти правду, если есть разреженность в отношениях. Однако, судя по одному только этому телефонному звонку, он хорошо понимает моего отца и его мышление.

— Сенсей... Думаешь, твой отец способен зайти так далеко, для того чтобы вернуть тебя?

Если и может быть красная черта, то это именно она. В своём разговоре я не упомянул о том, что за Цукиширо стоит именно мой отец. Однако судя по этому ответу, я ещё раз убедился в том, что они связаны.

— Ты сказал, что произошло вмешательство в итоговый экзамен, так? Произошло что-то плохое?

Конечно, директор Сакаянаги не знает обратной стороны этого экзамена. А если бы знал, то он обязательно бы что-нибудь предпринял.

— Я расскажу подробности.

Под конец года Цукиширо взял всю систему под свой контроль и подстроил результаты экзамена таким образом, чтобы отнять у меня очки защиты и не позволить нашему классу одержать одну победу.

И пусть это была лишь одна победа, но зато очень важная для нас. Если бы не это вмешательство, наш класс смог бы перейти в класс выше.

По мере объяснения реакция Сакаянаги становилась всё более слабой.

Было ясно, что он использует любые средства, чтобы исключить одного конкретного ученика. И очевидно продолжаться это будет ровно до тех пор, пока Аянокоджи Киётака не покинет эту школу.

— Вот и вся история. Теперь Вы мне верите?

Эту историю в обычной ситуации восприняли бы, как простую шутку ученика. Но директор Сакаянаги хорошо знает моего отца, а также о моём прошлом. Вывод довольно очевиден. И стоит подумать о том, стоит ли считать это чем-то нереальным.

— У меня нет другого выбора, кроме как поверить в то, что он пришёл только для того, чтобы ты покинул школу. Я слышал о новой системе, но даже не подумал, что она будет использоваться таким образом...

Для школы и учеников это всё звучит красиво, но это лишь один из способов избавиться от меня.

— Для того чтобы вернуть Аянокоджи-куна, он даже прибегнул к такому способу. Думаю, теперь я понял, почему ты решил связаться со мной. Это не то, с чем обычный ученик может справиться самостоятельно.

Я думал, что директор Сакаянаги именно так и скажет, как только он поймёт ситуацию.

— Ты хочешь попросить меня о помощи?

— Верно, но не совсем.

Я смиренно признался в этом.

Око за око, зуб за зуб. Сразиться со школой могут только её сотрудники. Кроме того, Цукиширо, занимая должность председателя, выступает в качестве оппонента, с которым я могу легко встретиться.

— Но прежде я хотел бы узнать... Нет, скорее, подтвердить.

— И что же?

Нужно быть готовым ответить даже на нежелательные вопросы.

— Это очень тяжёлая битва с Цукиширо, который даже вмешивался в сам экзамен. И нет необходимости сомневаться в том факте, что это действительно будет тяжело, потому что ты

решил обратиться ко мне за помощью. Однако я всё не могу понять, почему ты так спокоен?

Сделав небольшую паузу, он снова заговорил.

— Если ты меня неправильно понял, я лучше объяснюсь. Я уже не в том положении, чтобы оправдать твои ожидания.

Я понимаю, что он хочет мне сказать: «Думаешь, можно избавиться от Цукиширо лишь голосом Сакаянаги? Если ты позвонил мне только ради этого, то нет, на сей раз ты ошибся».

— Я сейчас нахожусь под домашним арестом в связи с обвинениями в коррупции, я не смог справиться даже со своим собственным затруднительным положением. Не хочу, чтобы от меня ждали слишком многого.

Он подчеркнул, что думает о том, что я принимаю слишком поспешные решения.

— Если бы это был телефонный звонок с просьбой о помощи, то так оно и было бы, — сказал я.

— Что ты имеешь в виду?

— До сих пор я жил в этой школе, полагая, что я настолько незаметен, насколько это возможно, потому что я хотел провести эти три года в качестве обычного ученика.

Это была моя цель ещё до поступления в школу. Понять эти чувства. Таково было моё истинное намерение.

— Впервые в жизни я пытаюсь поставить перед собой собственные цели и достичь их.

— ...Да, я понимаю это, поэтому хорошо к тебе отношусь.

Я не знаю всей ситуации, но очень благодарен за это.

— Но если мы позволим временному директору вмешаться ещё раз, то подорвём фундаментальный принцип его должности. В этот раз у меня были очки защиты, но если это произойдет снова, то моё исключение будет неизбежным.

Конечно, Цукиширо будет использовать свою позицию, чтобы добиться большего, чем ожидалось. Ученик ничего не способен сделать против несправедливости со стороны школы. Другими словами, если я не изменю своё отношение, я проиграю.

— Но разве этими словами ты не просишь у меня о помощи?

— Цель этого звонка – не просить Вас «остановить Цукиширо». Если противник использует стратегию, нарушающую правила, мне нужно действовать соответственно этому. Но в результате, школа может быть охвачена хаосом.

— Понятно, другими словами, ты позвонил мне...

— Да, при возникновении непредвиденных обстоятельств, наличие поддержки имеет важное значение.

Я не хочу просить о помощи в устранении Цукиширо, но мне нужна некая «подушка», которая сможет меня защитить.

Если вы бьёте кого-то, кто ударил вас ножом, вам нужен кто-то, кто засвидетельствует это как самооборону. Наверняка понадобится помощь внутри школы. И именно директор Сакаянаги может стать этой поддержкой. Очевидно, что сняв с себя подозрения, а также устранив Цукиширо, он, скорее всего, вернётся на свою должность. И я, как человек, который может помочь ему в устранении этих подозрений, должен быть достаточно веской причиной, для того чтобы директор Сакаянаги «поддержал» меня.

Я уверен, он колеблется перед решением и думает, не будет ли ошибкой полагаться на ребёнка. Важно развеять эти сомнения.

— Ты действительно можешь остановить Цукиширо-куна? Для одного ученика это как-то...

— Конечно, авторитет Цукиширо вызывает проблемы. В отличие от других учеников с ним нельзя бороться на экзамене. Слишком большая разница.

Он даже не показывается сам, когда наносит удар. Он слишком хитёр в своём мошенничестве.

— В данный момент я буду ждать, пока Цукиширо сделает свой ход.

— И ты сможешь на равных противостоять ему?

— Есть несколько способов для этого, но лучше всего начать с усиления нашей обороны.

Нужно лишить Цукиширо его манёвренности среди людей. Бессмысленно приходить в школу и пытаться выгнать человека в течение 1-2 лет. Скорее всего, после весенних каникул, а именно апрель, лучший момент, для того чтобы начать действовать. Именно в этом месяце будет сосредоточена атака и защита. И если я смогу выстоять, то, за неимением другого выбора, Цукиширо будет вынужден сделать рискованные шаги.

— Единственная и самая фатальная его слабость – ограничение по времени.

У нас есть время, чтобы встретить этот вызов подготовленными.

— Я не думаю, что ученику стоит так говорить о школьных сотрудниках. Обычно, люди могут рассердиться, если услышат такие слова, но... Знаешь, я почему-то могу принять это, учитывая то, что ты – сын сенсея.

— Естественно, если человек заслуживает уважение, я не буду так говорить. Но я не собираюсь мириться с этим «взрослым» человеком, который лезет в соревнование между учениками, влияя на результаты.

Директор Сакаянаги не стал комментировать это, а, скорее, просто принял моё мнение.

— Ты говоришь, что «не собираешься мириться», но каким образом ты помешаешь Цукиширо-куну?

Он хочет узнать, как я собираюсь усилить оборону. И то, что нужно сделать – уже решено. Чтобы не допустить несправедливости, надо использовать школьных сотрудников.

— Прежде всего, нужен человек, который может конкурировать с Цукиширо. Наблюдая за ним, можно сильно ограничить его действия. Он не сможет так легко вмешиваться в процесс.

Важный шаг в достижении победы – не позволять противнику расслабляться. Такую стратегию не стоит упускать. Не обязательно быть человеком у власти, достаточно лишь иметь волю сопротивляться несправедливости.

— Да, я думаю, без этого точно не обойтись.

Похоже, директор Сакаянаги уже понял, что мне от него нужно. Я не в курсе о внутренней «кухне» школы. Кому можно доверять, а кому нет? Есть ли кто-то, кто может ответить такому властному человеку, как Цукиширо? Нельзя привлекать к этому делу людей, которые могут перейти на сторону врага. Наверное, именно об этом думает директор Сакаянаги на другом конце провода.

Я уверен, что важно выбрать людей, кроме Сакаянаги, кто сможет нам помочь.

— Ты же уже хорошо знаком со своей классной руководительницей, Чабаширой-сенсей, верно? Я просил её присмотреть за тобой.

— Да, она, кажется, что-то знает о моей ситуации, да?

— Верно, она много чего может понять, даже не учитывая нереальность истории.

Вопрос только в том, можно ли её использовать или же нет.

— Я думаю, нельзя игнорировать никого, кто знает об этой истории. Если она является тем самым учителем, которому можно доверять, то лучше склонить её на нашу сторону.

Никто не поверит в историю, что отец может повлиять на увольнение директора Сакаянаги, для того чтобы менять содержание экзамена и вмешиваться в него, с целью изгнать собственного сына из школы. Однако если рассказать все это Чабашире-сенсей, то она, вероятно, сможет принять какие-нибудь факты.

— В таком случае... — директор Сакаянаги сделал небольшую паузу, словно задумался, а затем продолжил. — Машима-сенсей, классный руководитель класса 1-А. Он отличный учитель, ставящий детей на первое место. К тому же, он ответственен за проведение экзаменов для учеников первого года обучения.

— А он сможет принять реальность, услышав эту, абсурдную на первый взгляд, историю?

— Если честно, то не уверен... По крайней мере, вряд ли он сможет легко поверить в это. Но если Машима всё же примет реальность, то обязательно встанет на сторону учеников. Он учитель, придерживающийся своих убеждений, человек, которого не так просто задавить властью.

Если нет других вариантов, он – лучшее, на что можно рассчитывать. Это даже хорошо, когда у вас такой учитель.

— К тому же, он доверяет Чабашире-сенсей. Я думаю, здесь не должно возникнуть каких-либо проблем в донесении информации.

— Я понял. Машима-сенсей, значит... Прежде всего, я поговорю с Чабаширой-сенсеем, а затем постараюсь продвинуться дальше.

— Это будет непросто. В школе полно людей и камер наблюдения. Вам нужно тщательно подумать о том, где и как встретиться.

Цукиширо не может следить за мной всё время. Тем не менее, не будет лишним не терять бдительности. Если между мной и Машима-сенсеем завяжется какой-то разговор, это может вызвать подозрения. Даже не зная, где я, у Цукиширо есть другие способы следить за мной. Мне неприятно от мысли, что он может ударить откуда угодно в любой момент.

— Если дадите мне совет, это сильно поможет.

Я хотел бы получить совет от директора Сакаянаги, который знает больше, чем кто-либо о своей должности и работе старшей школы Кудо Икусей.

— Тебе следует действовать быстро... После церемонии вручения дипломов, выпускники и учителя пойдут праздновать. На этом мероприятии каждый год принимает участие и директор. Цукиширо обязательно будет там, так что это хорошая возможность, для того чтобы начать действовать.

— Если директор будет пренебрегать своими обязанностями, это приведёт к критике со стороны.

— Да, именно так.

Чтобы победить, нужно дать возможность Цукиширо показать, что он лучше директора Сакаянаги. Таким образом, можно усыпить его бдительность.

— Учителя первогодок тоже будут там?

— Благодарственная вечеринка длится около часа, но мы решили продлить её до девяноста минут. Даже если за двадцать-тридцать минут уйдут несколько человек, вряд ли это вызовет какие-либо проблемы. Тем более, на этой вечеринке учителя третьего года более важны, так что...

Получается, самое лучшее время для разговора - после церемонии вручения дипломов.

— Я думаю, приёмная - хорошее место для тайной встречи. Там нет камер наблюдения, так что лучше будет использовать именно это место.

Иными словами, не будет никакого подтверждения того, что эта встреча вообще была. Конечно, есть ещё и общежитие, но не может быть и речи о том, чтобы учителя посещали его.

— На этот счёт у меня нет возражений.

Я согласен обсуждать всё именно в том месте.

— Это только первый шаг, начало. Я поговорю с Чабаширой-сенсеем. Но ты сам должен решить, как далеко можно зайти. Если не получится убедить их, то лучше всего сдаться.

— Да, этого более чем достаточно.

Если так говорит директор Сакаянаги, то ни Чабашира-сенсей, ни Машима-сенсей не смогут просто проигнорировать это. Я добился довольно многого за этот разговор.

— Извините ещё раз за столь поздний звонок.

— Всё в порядке. О! Есть ещё кое-что, о чём я хотел бы спросить тебя.

— Да, что такое?

— Я понял, что ты в этой школе хочешь только насладиться спокойной жизнью ученика. Но что ты собираешься делать после школы? Куда ты пойдешь и чем будешь заниматься? — спросил директор Сакаянаги.

— Я не уверен в том, насколько много вы знаете, но, в данном случае, моя судьба уже предрешена.

— ...А это значит?..

Этой реакции было достаточно, для того чтобы кое-что понять.

— После окончания школы я хочу вернуться в Белую комнату и стать там лидером. Ведь именно этого хотел «этот» человек.

Когда я покину школу, её стены, защищающие меня от взрослой жизни, будут снесены. В Белую комнату вернуться будет не так трудно.

— Ты говоришь, что уже принял свою судьбу, но... Ты всё равно пришёл в эту школу, не так ли?

— И именно по этой причине я хочу пробыть здесь все три года.

Если говорить проще, у меня наступил тот самый «период неповиновения». Иначе говоря, подростковый период, во время которого дети перестают слушаться своих родителей. Я отказываюсь подчиняться своему отцу и продолжаю делать то, что захочу.

— По крайней мере, я надеюсь, что эта школа оставит у тебя хорошие воспоминания на всю оставшуюся жизнь.

— Большое спасибо. Надеюсь, всё именно так и будет.

После разговора с директором Сакаянаги мне нужен был небольшой перерыв. Есть сторона, которой можно доверять, и это определённо не сторона Цукиширо. Я и дочь директора Сакаянаги учимся в одной параллели, так что это даст мне некоторое преимущество.

Часть 4

Таков был вчерашний разговор между мной и директором Сакаянаги. Сейчас же я иду в

приёмную, как и планировалось ранее.

Спустя некоторое время, я оказался прямо перед дверью в приёмную. Интересно, там уже кто-то есть или же я пока буду здесь один?

— Я вхожу.

Постучав, я зашёл внутрь и увидел на себе взгляд Чабашеры-сенсея, стоящей сейчас возле окна.

— Ты пришёл рановато, Аянокоджи. До назначенного времени осталось ещё десять минут.

— Я боялся, что раз отведено так мало времени, надо поторопиться. К слову, вы ведь так же пришли сюда рановато, не так ли?

Я старался подобрать слова, чтобы начать разговор с Чабаширой-сенсеем. После вчерашнего диалога с директором Сакаянаги, я уже предположил, что её отношение ко мне изменится. Несмотря на то, что в помещении есть диван, никто из нас не решался сесть и вести себя непринуждённо.

— Что насчёт Машимы-сенсея?

— Я его уже позвала, но мы просто не можем прийти сюда вместе. Аянокоджи, о чём именно ты хотел со мной поговорить? Почему ты решился на такое? Я думала, ты хочешь жить обычной жизнью ученика, разве нет?

До прихода Машимы-сенсея, нужно хотя бы немного разговориться с Чабаширой-сенсеем.

— Для человека, который первым разрушил мою «обычную жизнь», вы говорите как-то слишком открыто.

— Не думаю, что такой способ общения между учеником и учителем является правильным. Может, изменишь тон?

— Очень удобное оправдание для не совсем корректных действий со стороны учителя, не так ли?

Она угрожала мне, простому ученику, чтобы я помог поднять класс D до класса A. Не то, чтобы я её ненавидел после этого... Но я определённо не могу ей полностью доверять.

Чабашира-сенсей отвела свой взгляд из-за того, что почувствовала себя неудобно.

— Да, я не могу этого отрицать.

Мысль о том, чтобы достичь класса А, прочно засела у неё в голове. Директор Сакаянаги доверился мне и согласился помочь, несмотря на то, что я мог бы быть лучше, чем я есть. Но боюсь, исход может быть неблагоприятным.

Вряд ли моё отношение изменится из-за Чабашеры-сенсей, но... Если обернуться и посмотреть, что было год назад, текущая ситуация явно отличается от того времени.

— Ты, скорее всего, меня ненавидишь, но всё же позвал сюда... Зачем?

Нет ничего удивительного в том, что она чувствует себя немного странно из-за того, что я решил её позвать на эту встречу. Конечно, она является частью плана по приглашению Машимы-сенсей, и я, на самом деле, могу позволить ей уйти прямо сейчас, но...

— По крайней мере, я уверен, что я вас не ненавижу.

— Вот оно как...

Какие бы ни были эмоции, надо использовать любую удобную ситуацию. «Симпатия и антипатия» и «выгода и потери» – совершенно разные понятия. Я думаю, что Чабашера-сенсей может помочь мне в убеждении Машимы-сенсей принять мою сторону.

— Как много вы знаете?

— Речь шла про то, что я и Машима-сенсей должны прийти в это место, для того чтобы услышать какую-то важную историю от тебя, а после прийти к какому-то соглашению.

Получается, она ничего не слышала о Цукиширо? Похоже, директор Сакаянаги дал мне полный карт-бланш*.

[П\П: Карт-бланш (фр. Carte blanche. букв. «белая/пустая карта») – неограниченные полномочия, предоставленные доверителем доверенному лицу при осуществлении деловой операции от имени доверителя.]

— Ну так что? Чего ты хочешь от нас?

— Сначала нужно подождать Машиму-сенсей, тогда я смогу всё рассказать. Иначе будет слишком хлопотно повторять историю во второй раз.

— Я не знаю, что ты хочешь предложить, но если тебе нужна помощь, то твоё отношение не

должно быть таким, ты так не считаешь?

Довольно очевидно, что в столь односторонней беседе, Чабашира-сенсей решила оказать небольшое сопротивление.

— Будучи учителем, я, конечно, следую указаниям директора Сакаянаги. Однако это не значит, что я должна это делать. Ты ведь понимаешь, о чём я?

— Неужели моё отношение так сильно беспокоит вас?

— Честно? Да, немного «беспокоит». Несмотря на свои «исключительные» таланты, ты ведь сейчас учишься на первом году старшей школы, верно? Кроме того, ты также потерпел поражение от Сакаянаги на итоговом специальном экзамене. Я не думаю, что после всего этого ты можешь позволять себе игнорировать правила общения.

Услышав это, я даже на мгновение сам разочаровался в себе из-за того, что не могу оправдывать ожидания других людей.

— Конечно, если у тебя действительно есть какие-то способности, то я могла бы пропустить мимо ушей парочку слов и закрыть глаза на твоё отношение. Однако дело обстоит совсем иначе, учитывая текущий рейтинг.

Если я не могу победить Сакаянаги из класса А, то и желание Чабашеры-сенсея не может осуществиться. Кажется, я не могу больше хранить молчание, учитывая то, как высоко она меня ставит. Будучи учителем, нынешняя ситуация может выйти за рамки её должности. К тому же, в зависимости от содержания истории, которую я ей расскажу, она может отказаться от этого. Но, что хуже всего, может также принять сторону Цукиширо. Продолжать показывать, что я полностью вне её контроля, уже можно считать контрпродуктивным.

Я спокойно выдохнул, чувствуя огромное облегчение, словно достиг какого-то компромисса.

— Я понял. Я пересмотрю своё отношение.

— Ч-что?

Чабашира сильно удивилась, потому что я так просто согласился на это. Вряд ли она даже думала о том, что я могу вот так просто сдаться. И хотя это связано с тем, что я скажу чуть позже, но я оставляю ей возможность управлять мною.

Чабашира-сенсей не тот человек, которому я могу полностью довериться лишь из-за того, что подвернулась хорошая возможность. И я не знаю, смогу ли я найти правильные слова в своём сердце. Но я буду настаивать на том, что моё существование необходимо для класса D.

— Я изменю своё отношение. Начиная с апреля, и действительно нацелюсь на класс А, а также сделаю всё возможное, чтобы мы попали в него.

— Это шутка такая? Мне кажется, я это уже слышала.

— Я говорю правду. В конце второго года можно выйти за рамки класса D и C. Конечно, я не могу сказать, что к этому моменту мы достигнем класса А, потому что разница в классных очках пока слишком большая... Но я гарантирую, что мы доберёмся до класса В.

Это именно то, что хочет слышать Чабашира – переход класса D в класс А. За всю историю школы такого прецедента ещё не было.

— Пелена с глаз упала?.. В любом случае, это лишь слова, которые ничего не значат.

— Это, конечно, правда. Однако неужели вы не хотите держать у себя в руках билет, позволяющий вам оказаться в классе А?

Неважно, является ли этот билет поддельным или нет, но это гораздо лучше, чем ничего.

— Я уже говорила это ранее, но вы проиграли на итоговом специальном экзамене против класса А. Может счёт и был 3 победы и 4 поражения, но проигрыш есть проигрыш. И я не собираюсь принимать в качестве оправдания даже то, что так произошло из-за невезения.

Она снова показывает, насколько огромны её ожидания.

— Я ожидала, что ты сможешь победить любого соперника и не важно, насколько сложен был бы экзамен.

Это была очень эгоистичная фантазия.

— Сегодня после нашего разговора вы узнаете правду.

— Узнаю правду?..

— Если вы всё ещё не будете верить в мои способности даже после того, как я всё расскажу, то можете делать всё, что захотите.

— Что ты...

Тук-тук-тук.

Чабашира-сенсей не успела договорить, как послышались стуки в дверь.

— ...Войдите.

Как Чабашира-сенсей сказала это, в приёмную вошел Машима-сенсей.

— Похоже, все уже в сборе.

А также...

— Я тоже вхожу, простите за вторжение.

Сакаянаги Арису, ученица класса А. Она зашла сразу же после Машимы-сенсея. Довольно неожиданный гость... Не помню, чтобы я её звал, да и трудно представить, что это именно Машима-сенсей предложил ей прийти сюда.

— Я всё-таки учусь в классе А, так что если меня кто-то увидит рядом с Машимой-сенсеем, то ничего не случится.

Стоило догадаться, что Сакаянаги также последует сюда.

— Мне стало известно о приглашении от Чабаширы-сенсея. Я подумал, что она, возможно, как-то с этим связана, так что и привёл её сюда...

Директор Сакаянаги, вероятно, рассказал дочери, что получил звонок от меня. Возможно, он хотел выяснить, действительно ли я получил номер его телефона от неё. Но поэтому ли она появилась здесь? Они о чём-то говорили или это обычное любопытство? Я склоняюсь к последнему.

— Всё в порядке, пока что всё идёт, как и планировалось, — сказал я.

Всё же я думаю, что она желанный гость. Сакаянаги легонько кивнула головой и улыбнулась мне. Чабашира-сенсей же, несмотря на то, что дверь в приёмную была уже закрыта, никак не реагировала на происходящее. Вероятно, она всё ещё находилась в ступоре и не понимала, почему сюда пришла Сакаянаги. В любом случае, в этой комнате сейчас находятся все, кто мне нужен. Нам придётся провести много времени вместе.

— Какую историю ты хотел рассказать, Аянокоджи? Приглашение от директора Сакаянаги, да и необходимость тайно уйти с благодарственной вечеринки... Это как-то странно, скажу тебе.

— Я обо всём расскажу.

Я предложил обоим учителям присесть. Сразу же после этого, Машима-сенсей предложил Сакаянаги сесть первой.

— Давайте тогда начнём нашу беседу.

Сакаянаги села по известной причине, а Машима-сенсей остался стоять, скрестив руки на груди. Вероятно, сядет он или нет, будет зависеть от содержания предстоящего разговора. К слову, то же самое относится и к Чабашире-сенсею.

Трое людей сверлили меня взглядами. Время до конца благодарственной вечеринки – двадцать-тридцать минут, что довольно мало. Я постараюсь говорить прямо и быстро. На первый или второй раз эта ситуация не покажется достаточно реалистичной, чтобы легко принять её. Я решил начать рассказ с Цукиширо.

— Я позвал вас сюда в такое время и при таких обстоятельствах затем, чтобы рассказать нечто важное про временного директора Цукиширо.

— Нечто важное... о временном директоре? О чём вообще речь?

Неожиданная информация была выдана с самого начала, и Машима-сенсей явно был немного растерян. Эта реакция была естественной, учитывая то, что эти слова были сказаны простым учеником. Чабашира-сенсей тоже выглядела удивлённо, она перевела свой взгляд на Сакаянаги, но та лишь улыбнулась в ответ. Она словно говорила: «Я знаю больше, чем вы». Выражение её лица прямо сверкало от получаемого удовольствия.

— Я хочу рассказать о том, что может пошатнуть текущее состояние школы. Эту ситуацию просто нельзя проигнорировать. И я хочу, чтобы вы двое держали это в тайне, для того чтобы довести дело до конца.

— Мне сказали, что расскажут важную историю. Чабашира-сенсей, это какая-то шутка?

Не ожидая ничего подобного, Машима-сенсей попросил у Чабаширы-сенсей объяснений.

— Думаешь, я стала бы шутить и делать что-то подобное, прямо как Хошиномия-сенсей?

— Может и нет, но я вообще не могу понять, что происходит. Сейчас я должен находиться на благодарственной вечеринке, а не здесь...

Это было то время, когда они могли в последний раз увидеть выпускников. Он словно пытался найти причину, для того чтобы уйти, потому что не хотел слушать бредовые истории от детей.

— Чего добивается Аянокоджи?

— Я и сама не знаю. Как я уже и сказала, вчера директор Сакаянаги сообщил мне, что я, вместе с тобой, должны будем прийти сюда для важного разговора. Я также хотела бы получить объяснения.

Эти двое как будто обвиняют меня в заговоре с целью обмана. Надо срочно начать действовать.

— Что вы скажете, Машима-сенсей, если я скажу, что причина, по которой директор Сакаянаги обвиняется в мошенничестве, а также присутствие нового директора Цукиширо – это всё из-за меня?

— Ч-что?..

Текущая ситуация не спешит продвигаться вперёд, хотя мы и говорим о достаточно простых вещах. Напротив, подозрения Машима-сенсея только увеличиваются.

— Я вообще ничего не понимаю. О чём ты говоришь, Аянокоджи?

Это естественная реакция. Сама школьная система шатается из-за определённых людей, и это не моя выдумка.

В первую очередь, нужно коснуться содержимого итогового специального экзамена.

— Я объясню всё с начала.

Только я решил рассказать всё, как Сакаянаги подняла свою руку.

— Раз ты собрался всё рассказывать, то не против, если я помогу тебе в этом?

Она говорит так, словно ожидала подобной ситуации.

— Ты тоже в курсе дел, Сакаянаги?

— Да. По крайней мере, я знаю больше, чем учителя.

Сакаянаги немедленно начала действовать. Возможно, если они услышат подтверждение этого не только от меня, им будет проще принять ситуацию. Когда я кивнул, она перевела взгляд на Машиму-сенсея.

— Получается, ты спросила у директора Сакаянаги о ситуации?

— Нет, я лично знаю всю историю. Я бы даже сказала, что нас можно назвать друзьями детства.

Она рассказывает всё с широкой улыбкой на лице. Я, в принципе, ожидал такого исхода, но для учителей это явно было что-то за гранью ожиданий.

— Друг детства... Не думала, что вы вообще как-то связаны... — сказала Чабашира-сенсей.

Сакаянаги же решила дать небольшое объяснение своим словам.

— Повторюсь, нас «можно» считать друзьями детства. В любом случае, я лучше продолжу.

С рассказа о том, что она считает меня другом детства, она всё же перешла к основной теме.

— На итоговом специальном экзамене, я и Аянокоджи-кун были капитанами своих классов, а также соперниками. И на последнем событии – «Шахматах» – определилась победа класса А, верно?

Это то, что знает вся школа.

— И что здесь не так?

Естественно, ни Машима-сенсей, ни Чабашира-сенсей не сомневались в этой победе.

— А что, если... Что если вмешается третья сторона? Что если победа или поражение определились, только исходя из этого вмешательства? Это ведь большая проблема, не так ли?

— Экзамены проводятся под строгим контролем, так что такого просто не могло произойти.

— «Под строгим контролем»? Вы ведь оба отсутствовали тогда на экзамене, верно?

Чабашира-сенсей и Машима-сенсей действительно не следили за нашим экзаменом, потому что они отвечали за экзамен между классом Ичиносе и Рьюена. Другими словами, они не видели, что происходило в это время у нас.

— Изначально я должна была проиграть, а победа была бы за Аянокоджи-куном.

— Аянокоджи выиграл в «Шахматы»? Но я ведь видела результаты. И я слышала про то, как

это проходило.

Первым, кто проявил интерес к истории, был не Машима-сенсей, а Чабашира-сенсей. И это была естественная реакция, учитывая, что мы всё же вернулись в класс D после этого поражения.

— Всё ещё не понимаете?

Таким образом, Сакаянаги проверяет Машиму-сенсея и Чабашиму-сенсея.

— Что ты такое говоришь? Вы думаете, это временный директор Цукиширо вмешался и изменил результаты? После экзамена, мы встретились с Сакагами-сенсеем и Хошиномией-сенсеем, и никто не заметил каких-то странностей.

— Проблема не в результате, а в процессе. Вы не сможете увидеть правду через призму здравого смысла. Посылаемые капитаном инструкции сначала идут через школьное оборудование и только потом отправляются участникам соревнования. Конечно, такая система может предотвратить мошенничество со стороны учащихся, но не со стороны школы.

Выражение её лица словно говорило: «Вы всё ещё не понимаете?». Машима-сенсей, кажется, впервые задумался над участием временного директора Цукиширо на этом экзамене.

— Использование громоздкой системы было необычным для учителей. Это было тем, что временный директор Цукиширо использовал для вмешательства.

Сакаянаги изящно переплетает между собой правду и ложь. Настоящие детали плана Цукиширо известны только ему. Но достаточно сделать правдоподобную гипотезу и говорить так, как будто это правда. В этих словах достаточно трудно начать сомневаться, из-за чего для учителей это может звучать, как правда. Кроме того, Машима-сенсей и Чабашира-сенсей пытаются переварить весь этот объём информации, создавая перегруз в их голове.

— Последний ход Аянокоджи-куна в этой партии отличался от того, как именно походила Хорикита-сан. И если бы этот ход дошёл до неё без каких-либо изменений, то Аянокоджи-кун выиграл бы. Теперь понимаете? — сказав это, Сакаянаги улыбнулась, словно проверяла их способности.

— Ты думаешь, что временный директор Цукиширо изменил ход?

— Очки защиты, которые были у Аянокоджи-куна, являются очень большой помехой для того, кто хочет исключить его из школы.

Оба учителя молчали. Но вскоре Машима-сенсей снова заговорил.

— Слова Сакаянаги правдивы, Аянокоджи?

— Да, всё так.

— Допустим, существует определённая достоверность в том, что вы говорите. И я также понимаю способ мышления Сакаянаги, потому что в течение этого года я был её классным руководителем. Если она намеренно хотела подарить победу, включая и «Шахматы», то этим ведь всё и должно было закончиться. В данный момент просто нет никакого смысла в принижении себя только для того, чтобы похвалить Аянокоджи.

Для Сакаянаги, будучи лидером класса А, нет никакого преимущества врать насчёт своего поражения. Как и сказал Машима-сенсей, если она действительно хотела бы, чтобы я победил, то она спокойно могла бы поддаться, и на этом историю можно было бы завершить. Тогда не было бы никакой необходимости созывать учителей в такое место и разговаривать о таких сомнительных вещах.

— Да, но... Может слова и кажутся правдивыми, но ведь у третьей стороны просто нет возможностей, для того чтобы подтвердить, правда это или нет.

Чабашира-сенсей говорила, что она просто не может принять это заявление Сакаянаги, над которым действительно можно было бы посмеяться.

— Я не могу поверить в эту историю... Машима-сенсей, что думаешь?

Чабашира-сенсей сурово посмотрела на Машиму-сенсея, спрашивая его мнение.

— Не так важно, что я думаю на этот счёт, но это определённо не та история, которую можно принять только на основании этой информации.

Когда Машима-сенсей начал отступать, Чабашира-сенсей остановила его.

— Мне кажется, что в их словах есть доля истины. Всё же, школа действительно предпринимала довольно странные шаги с приходом временного директора Цукиширо.

— Сюда не стоит приписывать личную неприязнь к Цукиширо и тем более веру в то, что твой класс победил.

Машима-сенсей бросил достаточно «тяжёлые» слова в сторону Чабаширы-сенсея, решившую принять сторону учеников. А следом за этим, он решил обратиться уже к нам.

— Есть ли у вас двоих доказательства?

— Даже если временный директор Цукиширо сказал нам, что он подстроил поражение Аянокоджи-куна, то Машима-сенсей ведь не поверит в это, не так ли?

— ...Естественно.

Люди, которые занимаются таким мошенничеством из-за кулис, сами не показываются и не дают другим знать, что они стоят за этим. Если посмотреть на эту историю со стороны, то эта реакция становится более чем понятной.

— Действительно странно, поверить в то, что есть некий ученик, которого Цукиширо так старается выгнать из школы.

— Да, вы правы...

— Я не хочу сомневаться в своих учениках. Не думаю, что вам хватило бы глупости врать обо всём этом, к тому же за просто так. Но в данный момент существует слишком мало доказательств.

Машима-сенсей, может, и хочет поверить, но у него нет на это оснований.

— Скажи мне, Аянокоджи, какой ты человек?

Это был лишь вопрос времени, когда Машима-сенсей задаст такой вопрос. Директор Сакаянаги был обвинён в коррупции, а на его место поставили Цукиширо. И этот временный директор даже вмешался в экзамен, для того чтобы выгнать меня из школы. Этот вопрос был просто неизбежен. Но должен ли я сам объяснить всё? Или же стоит оставить это на других? Так как я не отвечал, Машима-сенсей перевёл свой взгляд на Чабашиму-сенсея.

— Как хорошо ты его знаешь?

Он решил задать этот вопрос Чабашиме-сенсей, сказавшей ранее, что в наших словах есть доля истины.

— ...Если честно, только поверхностно.

Я с нетерпением ждал этого, но нужно сохранять спокойствие. Нет ничего плохого, если Чабашима-сенсей расскажет поверхностную информацию обо мне.

— Я видела результаты его вступительных экзаменов. Все предметы были сданы на 50 баллов, что довольно необычно.

— 50 баллов по всем предметам... Другими словами, это сделано специально?

— Можешь сам посмотреть и убедиться в этом.

— Фу-фу-фу, ты сделал что-то настолько захватывающее.

— Но это само по себе ничего не доказывает. Сомневаюсь, что хоть один человек будет специально занижать свои результаты при поступлении в школу. К тому же, имея определённый уровень знаний, не так сложно набрать нужный балл. На самом деле, система распределений баллов на вступительном экзамене довольно проста.

— И всё же. Когда Аянокоджи поступил сюда, директор Сакаянаги упомянул, что он особенный ученик.

— Директор Сакаянаги?.. Вот почему ты здесь, верно?

Чабашира-сенсей кивнула в знак согласия и продолжила говорить о том времени.

— Меня попросили, в качестве его классного руководителя, сообщать о любых проблемах с Аянокоджи. Отец Аянокоджи Киётаки – очень влиятельный человек, и он не хотел, чтобы его сын поступил в эту школу. Но директор Сакаянаги принял его без разрешения.

— Тебя приняли без разрешения родителей? Директор Сакаянаги тоже делает что-то такое...

Обычный ребёнок может поступить в старшую школу только с разрешения родителей. Реальность такова, что дети не могут делать всё, что им захочется. И даже если это касается образования.

— Мой отец знаком с Аянокоджи-куном. Вот почему он беспокоился о нём, несмотря на своё положение. Но сейчас ситуация обострилась. Он не только выгнал отца из школы, сфальсифицировав обвинения в мошенничестве, но и пытается выгнать Аянокоджи-куна из школы.

Я думаю, это самая важная часть истории именно для Машимы-сенсея.

— Отец был против принудительного продвижения сына, поэтому и послал Цукиширо?..

Такое возможно только для людей, обладающих огромной властью.

— Но почему бы тогда не выразить протест против самой школы?

— Отец Аянокоджи уже приходил в школу и высказывал своё мнение директору Сакаянаги.

— Другими словами, отец Аянокоджи напрямую сказал своему сыну о том, чтобы он покинул школу?

— Да. Как и сказала Чабашира-сенсей, мой отец и отец Аянокоджи-куна действительно встречались, причём в этой самой приёмной. Можно посмотреть записи видеонаблюдения и убедиться, что это правда.

— Однако, тот факт, что Аянокоджи всё ещё учится в этой школе, означает, что они не сошлись во мнениях?

— Именно.

После того, как Машима-сенсей подтвердил это, Чабашира-сенсей также решила поделиться своим мнением.

— Директор Сакаянаги действительно уважал волю учеников... Я бы никогда не подумала, что временный директор Цукиширо пришёл в эту школу только для того, чтобы выгнать Аянокоджи.

Сакаянаги решила высказаться насчет этих слов Чабашеры-сенсея.

— Нет ничего удивительного в том, что Чабашира-сенсей ничего об этом не знает.

— А ты, получается, в курсе всех дел?

— Да, я знаю Аянокоджи-куна уже давно, в отличие от Чабашеры-сенсея.

Сакаянаги давит на Чабашеру-сенсея, пытаясь выставить себя гораздо выше её.

— Даже если меня и не должно быть здесь, то достаточно просто посмотреть на него – человека, который не против моего присутствия. Я ведь права? — сказав это, Сакаянаги горделиво засмеялась.

— Я увидел, наконец, полную картину. По крайней мере, кажется, что отец пытается вернуть сына.

И хотя Машима-сенсей хорошо понимает всю ситуацию, он до сих пор не убеждён.

— Однако... Я, конечно, не знаю, насколько много полномочий у отца Аянокоджи, но почему он

так желает вытащить его из этой школы?

— Это потому что Аянокоджи-кун обладает гораздо большими навыками, чем вы думаете.

— На днях я видел результаты Аянокоджи по итоговому специальному экзамену. Нет никаких сомнений в том, что он обладает какими-то способностями, если судить по «Устной арифметике» и «Шахматам». Тем не менее, в школе учится достаточно много способных ребят. Я бы не назвал это чем-то особенным.

— Машима-сенсей, я не собираюсь менять вашего мнения. Однако посмотрите на эту ситуацию. Мой отец присматривал за ним ещё до его поступления, а сейчас пришёл временный директор Цукиширо, сместив моего отца с должности, и пытается выгнать Аянокоджи-куна из этой школы. Нет смысла оспаривать реальность.

Машима-сенсей закрыл глаза и скрестил руки на груди.

— Машима-сенсей уже должен был прийти к определённым выводам. У вас есть время, чтобы найти более существенные доказательства.

Он открыл глаза и окинул взглядом нас троих.

— Да, ты права... Хорошо, допустим, отцу не нравится, что его сын поступил в школу без его разрешения и пытается всеми возможными способами заставить его покинуть школу. Тем не менее, я не могу так просто взять и начать помогать вам. Мне ведь не нужно объяснять причину, не так ли?

Машима-сенсей осознает, что всё сказанное ранее – лишь поверхностная информация.

— Вы ведь не хотите рассказать всю историю от начала и до конца, верно?

Кажется, он начал понимать, что в этой истории есть определённые обстоятельства, о которых никто не должен узнать. Могут возникнуть некоторые проблемы, если он не сможет правильно проанализировать ситуацию.

— Верно. Это не то, что стоит рассказывать всем.

С самого начала истории, всё происходящее в Белой комнате – это не то, что могут понять взрослые, руководствуясь только здравым смыслом. Мне самому тяжело понять правду. Всё равно все факты будут стёрты впоследствии. В этом случае просто нет необходимости в том, чтобы тратить время на рассказ.

— Что будет, если я откажусь сотрудничать?

— Я не собираюсь так легко отступить. На самом деле, я уверен, что мне будет трудно справиться с временным директором Цукиширо. Однако проблема в том, что я ничего не могу поделать с мошенничеством со стороны школы, что и произошло на итоговом специальном экзамене.

Это не то, с чем может справиться один ученик. Единственное, что остается в данном случае – понять, может ли Машима-сенсей игнорировать эту ситуацию.

— Аянокоджи, ты пытаешься проверить меня?.. Хорошо, мы сделаем всё возможное, чтобы не произошло никаких нарушений со стороны директора на предстоящих специальных и письменных экзаменах.

Наконец, он всё-таки соглашается на сотрудничество.

— Машима-сенсей, ты ведь понимаешь, что это непросто?

Чабашира-сенсей выказала некоторые сомнения касательно согласия Машимы-сенсея.

— Даже если история о вмешательстве правдива, неосторожные действия могут привести к увольнению.

Я понимаю, о чём говорит Чабашира-сенсей.

Бунт против Цукиширо создаёт угрозу учителям. Недостаточно лишь нерешительного чувства справедливости.

— Я ещё не решил, верить в это или нет, но, если это всё-таки правда – это просто ужасно. Школа не должна вот так вмешиваться в экзамен учеников, меняя результаты. Нужно сделать всё возможное, для того чтобы этого не было.

— Но Машима-сенсей, разве сейчас самое время для беспокойства об этом? Ты ведь тоже сегодня утром получил уведомление об урезании зарплаты за какие-то нарушения во время проведения итогового специального экзамена, не так ли?

Так как эта информация действительно была очень интересной, Сакаянаги сразу же решила вмешаться.

— Сократили зарплату за нарушения? Но какие?

— Это уже не для ваших ушей.

— Нарушение ведь было в процессе проведения экзамена у класса В и D, верно? В любом случае, мы рано или поздно об этом узнаем. И если вы всё же заинтересованы в получении доказательств о неправомерных действиях со стороны временного директора Цукиширо, то лучше начать делиться информацией именно сейчас. Потому что в будущем, возможно, это превратится в огромную проблему.

— Это не имеет ничего общего с этим.

Машима-сенсей явно не хочет разговаривать об этом. Но затем Чабашира-сенсей всё же начала рассказывать нам историю.

— Я всё же расскажу. Во время соревнования между классом В и D, последнее событие оказалось «Дзюдо». В результате, в качестве участника, класс D выбрал Ямаду Альберта. Ичиносе в этот момент просто потеряла всякую надежду на победу, и она не смогла выбрать учеников для участия.

— Да... Вряд ли кто-то из всех классов первого года смог бы победить Ямаду-куна в дзюдо.

— Естественно, Ичиносе должна была выбрать участника, потому что иначе выбор произошёл бы случайным образом.

Согласно правилу: «если по истечении времени капитан не смог выбрать участника, он будет выбран случайным образом среди всех учеников, которые ещё не поучаствовали».

И даже если это дзюдо, девушки также могут быть выбраны системой.

— Было бы хорошо, если они могли бы сразу же признать поражение, но это ведь дружный класс В. Возможно, Ичиносе-сан могла бы поставить кого-то, надеясь на то, что они смогут выстоять против него.

Однако вероятность того, что Альберт сможет победить своего противника – слишком высока. И если это произойдёт, то для класса В это обернётся очень плохими последствиями.

— Именно поэтому Машима-сенсей принял решение о поражении. Похоже, временному директору Цукиширо это не очень понравилось.

Поэтому и урезали зарплату. Конечно же, это нарушение правил, но...

— Неважно, нарушение это или нет, но если это представляет опасность для учеников, я остановлю это. И если действительно присутствует вмешательство в экзамен посторонних лиц, то я также помешаю этому. В конце концов, я всё-таки учитель.

Даже если это может ему как-то навредить, он не будет испытывать никакого сожаления и будет пытаться исправить несправедливость.

— Похоже, я не могу тебя остановить.

— Я готов хотя бы попытаться. Я ведь учитель, как ни как.

И хотя эти слова мог произнести любой, но Машима-сенсей, кажется, именно тот человек, который не будет просто болтовней сотрясать воздух.

— Ты... Нет, если Машима-сенсей говорит так уверенно, то я просто не смогу ничего с этим поделать.

— Мы можем сказать, что на данный момент переговоры окончены? — спросила Сакаянаги.

Я лишь кивнул в знак согласия. Чабашира-сенсей хоть и тянула с решением до этого, но как только она поняла, что уже не сможет отговорить Машиму-сенсея, так же решила выказать своё желание помочь.

— Если Машима-сенсей согласился, то и я тоже буду сотрудничать. Ты ведь не против, Аянокоджи?

— Я буду рад даже тому, если хотя бы один человек согласится помочь мне.

— Получается, эту беседу можно уже заканчивать. Я ничего никому не буду говорить. Это ведь не проблема, так?

— Конечно.

Ни Машима-сенсей, ни Чабашира-сенсей, на самом деле, ещё не убедились в том, что временный директор Цукиширо действительно вмешался в экзамен. Но чем больше учителей будут вовлечены в эту историю, тем больше вероятность того, что информация может просочиться. А увеличение знающих учителей приведёт к утечке информации. И если Цукиширо поймет, что некоторые личности хотят уличить его в мошенничестве, он станет более бдительным.

— Я также принимаю сторону Аянокоджи-куна.

— Сакаянаги, не думаю, что из-за того, что ты знаешь обстоятельства Аянокоджи, тебе нужно предпринимать такие поспешные решения

— О чём вы говорите? Это ведь моё право, относиться к нему по-особенному.

Она решила оспорить слова Машимы-сенсея.

— ...Твоё право?

— Именно. Хотя мы и находимся в таком месте, где классы постоянно соревнуются друг с другом, существуют различные обстоятельства: предательство друзей и любимых, из-за денег, шантаж или угрозы. Нельзя и исключать моменты, когда людям из разных классов нужно сотрудничать друг с другом. Школа ведь всегда была такой, разве нет? Даже если выйти за рамки школы, это ведь правда и для общества, разве я не права?

Сакаянаги утверждает, что у каждого есть особое отношение к кому-то и никто не вправе запрещать это.

— Даже если я пожертвую всеми учениками в классе А, для того чтобы спасти Аянокодзикуна, учителя не могут меня как-то критиковать за это. Единственные, кто действительно может мне что-то предъявить – те самые жертвы.

Машима-сенсей явно был недоволен словами Сакаянаги, но он не спешил опровергать их.

— Однако это не значит, что особое отношение может как-то помешать.

— Что ты имеешь в виду?

— Пока что стоит вопрос о противостоянии временному директору Цукиширо. Но как только эта проблема исчезнет, всё может кардинально измениться. И если класс D встанет на пути класса А – я не пожалею сил и раздавлю его.

— Да? Тогда всё в порядке.

Машима-сенсей принимает слова Сакаянаги, потому что в них есть твёрдая воля.

— Я спрошу ещё раз. Нет ли каких-нибудь доказательств, что временный директор Цукиширо вмешался в экзамен? Хоть что-нибудь?

— Должны быть, но он, скорее всего, всё уничтожил. Сейчас наверняка уже нет смысла их искать.

Цукиширо не такой глупый, чтобы оставлять после себя улики.

— Получается, нам остаётся лишь ждать следующего хода.

Учителя гораздо более осведомлены об экзаменах, которые у нас будут на втором году обучения. Лучше будет оставить это на Машиму-сенсея.

— Ну что ж, прошло уже более 30 минут. Я не мог вот так просто уйти с благодарственной вечеринки. Лучше будет, если вы выйдете первыми, а мы – через несколько минут.

— Хорошо.

Я и Сакаянаги одновременно вышли из приёмной и пошли по коридору.

— Это было рискованно, но хорошо, что Машима-сенсей теперь на нашей стороне. Ведь среди классных руководителей он, наверное, единственный, кто более-менее подходит для противостояния временному директору Цукиширо.

— Да, я тоже так думаю. Даже если нам не удастся полностью убрать влияние Цукиширо, то всё равно будет существовать некий сдерживающий фактор.

— Тебя не беспокоит, что его чувство справедливости слишком сильное? Это ведь определённо минус.

— Тоже верно. И хотя это надёжно, но однажды это может сильно аукнуться.

— Если Машима-сенсей копнёт слишком глубоко, его могут уволить. А если учитывать его характер, вероятность этого достаточно большая.

Сакаянаги выглядела очень радостной.

— Ты выглядишь счастливой.

— Но это ведь действительно весело. Разве ты так не считаешь?

— Не могу сказать точно, но это всё приносит некоторые проблемы. Ты за этим решила прийти?..

— Да, потому что я думала, что будет весело. А что-то не так с этим?

Сакаянаги довольно быстро призналась.

— Всё хорошо. Ты помогла мне убедить Машиму-сенсея, так что я даже благодарен тебе.

— Тогда отлично!

Глядя на меня, Сакаянаги засмеялась.

— Но кроме того, я не могу позволить школе вмешиваться в экзамены и мешать ученикам.

Сакаянаги была недовольна действиями Цукиширо. Она сделает всё, для того чтобы убрать его из школы.

— Теперь наш враг застигнут врасплох, так что лучше нанести удар как можно раньше.

Возможно, с точки зрения Цукиширо, мы – лишь ученики старшей школы, не способные ничего сделать. А если он думает именно так, то он совершает огромную ошибку.

— Аянокодзи-кун, пожалуйста, сделай всё, чтобы уничтожить его в ближайшее время.

— Я не собираюсь сдерживаться.

Не стоит здесь задаваться вопросом о том, доверяю ли я ей или нет. Я достаточно хорошо смог проанализировать характер Сакаянаги, так что в этом нет никакого смысла.

Часть 5

После ухода двух учеников.

Машима откровенно высказывал своё мнение Чабашире.

— Я всё ещё многое не могу понять.

— То же самое, Машима-сенсей. Тем не менее, они определённо говорят правду.

— Лишь из-за слов одного ученика ты хочешь вмешаться и «поправить» работу школы?

Машима подчеркнул, что неважно, как эту историю преподносят, но в это всё равно будет тяжело поверить.

— Как это всё проявляется в твои глазах, Чабашира-сенсей? Ты ведь наблюдала за Аянокодзи

целый год, так?

— Сложный вопрос...

Прошла буквально минута после ухода Аянокоджи и Сакаянаги, и, так как оставаться дольше в этом месте уже может вызвать определённые проблемы, они вдвоём также вышли из приёмной.

— Первое впечатление о нём – вялый и равнодушный человек. Я думаю, его можно считать обычным незаметным учеником, которого можно было бы найти в любом классе.

Другие классные руководители, возможно, имели абсолютно такое же мнение. Его присутствие было настолько слабым, что, в какой-то степени, даже нельзя было соотнести его лицо с именем.

— Но его «взрослая» невозмутимость, его глаза, которые видят тебя насквозь... Это всё не похоже на то, чем должен обладать ребёнок.

— Я всё ещё не могу до конца в это поверить.

— И это естественно, учитывая, что мы говорим про ученика первого года обучения.

— Я был учителем много лет и видел немало учеников. За несколько лет, наверное, лишь Хорикита Манабу и Нагумо Мияби действительно обладают качествами, которые можно было бы назвать «особенными».

— Ну, по крайней мере, я не могу этого отрицать.

У обоих учеников высокий уровень академических и физических способностей. В данный момент, они – лучшие среди всех учеников в школе. К тому же они обладают потрясающими лидерскими качествами.

— Первогодки в этом году на целый шаг позади этих двух человек. Конечно, некоторые ученики в какой-то степени могут сравняться по способностям с Хорикитой и Нагумо, но всё равно этого недостаточно, для того чтобы стать на один уровень с ними. А что ты можешь сказать насчёт Аянокоджи?

— Это всё будет иметь какое-то влияние в будущем?

— Нет, не думаю. Неважно, каков на самом деле Аянокоджи, но я не позволю временному директору Цукиширо добиться успеха в своём «плане». Можно считать это, как некая форма моего любопытства.

— Любопытство, значит... Необычное слово, Машима-сенсей. Но я так же хотела бы всё выяснить.

Чабашира так же из тех людей, кто хотел бы больше знать об Аянокоджи. Реальность такова, что даже если она и хотела ответить на вопрос Машимы, то она просто не могла этого сделать.

— Это очень неприятная проблема.

Машима скрестил руки на груди, выглядя довольно ошеломлённым.

— Учителя должны выдерживать некоторое расстояние от учеников, как бы находясь над ними. А выстраивать такие странные отношения явно нельзя назвать чем-то хорошим.

— Думаю, нужно как можно скорее устранить проблему в лице временного директора Цукиширо.

— А закончится ли всё после этого?

— Что ты имеешь в виду?

— Если мы сможем убрать Цукиширо, то нет никакой гарантии, что сюда не отправят ещё одного человека. Из-за личных проблем Аянокоджи под удар может попасть целая параллель... В самом худшем раскладе, это может сильно повлиять на всю школу, — произнёс обеспокоено Машима.

Но несмотря на эти слова, Машима и не думал о том, чтобы оставлять ученика на произвол судьбы.

— Боюсь, эта ситуация может превратиться в проблему, которую просто невозможно будет решить...

— Да уж...

Если это произойдёт, некоторые ученики получают несправедливую оценку. И это именно то, с чем должны бороться учителя.

— Я надеюсь, что этого не произойдёт.

Два учителя думали о будущем и надеялись, что это обычная меланхолия.

После разговора с Сакаянаги и учителями, убив немного времени, я пошёл в спортзал. Ожидается, что после того, как закончится благодарственная вечеринка, сюда должны прийти третьегодки. Другими словами, наступил период ожидания. Ученики что с первого года, что со второго, всё больше и больше начинают нервничать. Кто-то из третьегодок может сразу уйти после выпускной церемонии, но есть и те, кто наверняка останется, чтобы поделиться своими мыслями.

Сколько же людей собралось в этом месте? По крайней мере, я вижу около ста человек.

И недалеко от этой группы людей я увидел знакомого мне человека.

— Ты всё-таки пришла.

Как только я окликнул Хорикиту, она сразу же заметила меня.

— ...И что? Я не могу прийти сюда?

— Нет-нет, не в этом дело. Я просто осматривался и рассмотрел тебя.

— Рассмотрел? Ты говоришь так, что тебя можно неправильно понять.

— Ты бы не пришла сюда, если бы не изменилась.

Но Хорикита, услышав откровенную похвалу от меня, кажется, не была этим довольна.

— Разве? Я - это всё ещё я. Ничего не изменилось.

Это самоанализ или просто отрицание роста? Нет, вероятно, она просто не может открыто признаться в этом.

И в этот момент, наконец, открывается дверь, что означает, как благодарственная вечеринка и церемония вручения дипломов - закончились. И это последнее официальное мероприятие для обмена опытом выпускников с нынешними учениками.

И вот, бывшие третьегодки начали выходить один за другим. Многие из них радуются, но у кого-то нет даже намёка на улыбку. Интересно, это из-за чувства, что ты покидаешь школу, или же из-за того, что твоему классу не удалось добраться до класса А? Однако если это второй вариант, то разве не большинство учеников должны быть поникшими? Но сейчас я наблюдаю улыбки на лицах многих учеников.

— Что думаешь? — спросил я Хорикиту.

— Ну, даже если кому-то и не удалось достичь своей мечты в этой школе, но человек сам прокладывает себе путь. Даже если после выпуска у тебя не будет никаких привилегий, то ты всё ещё можешь поступить в институт или же найти подходящую работу, если, конечно, ты действительно обладаешь какими-то способностями.

И хотя данный этап жизни они прошли, но это не значит, что на этом дорога заканчивается. Дальше их ждёт реальность, в которой они снова и снова будут принимать какие-то решения и двигаться вперёд. Поэтому неудивительно, что сегодняшний день, настолько насыщенный на различные мероприятия.

Некоторые ученики возвращаются в общежитие, ни на кого не обращая внимания, но большинство всё же находится именно здесь. Это также означает, что им удалось оставить что-то после себя за все эти три года.

И, наконец, появилась фигура Хорикиты Манабу, который занимал должность президента студсовета. Сейчас самое время, для того чтобы подойти к нему. Если вокруг него соберётся толпа, они просто не пропустят туда Хорикиту. Однако несмотря на то что Хорикита явно ждала этого момента, она не могла сделать и шагу.

— Ты просто должна подойти.

— Я знаю.

Безусловно, она с нетерпением ждала подходящего момента, чтобы поговорить со своим старшим братом.

Однако стоило этому моменту наступить, она не могла сделать и шагу. Тем временем, к Хориките-старшему начинают подходить всё больше и больше людей. Если она так и продолжит стоять, ничего не изменится. Поэтому я решил легонько толкнуть её в спину, чтобы она, наконец, вышла из ступора.

— С-стой, что ты делаешь?

— Ты можешь подойти к нему, используя тот факт, что ты его сестра.

Но даже после этих слов Хорикита всё ещё стояла на этом же месте.

— ...Это как-то неестественно для меня, чтобы вот так к нему подойти.

— Всё в порядке. Ты ведь можешь смешаться с остальными.

— Нет, я точно буду там чем-то инородным...

Хорикита говорила так, словно презирала себя. Я вспомнил тот момент с ловушкой с едой на днях и почти сразу после поступления в эту школу. Она смотрела на своего брата, выступающего перед первогодками, как на человека, который находится очень далеко от неё. Даже если она выросла за это время, основная проблема остаётся всё та же. И даже если она наберётся опыта и вырастет ещё больше, у неё всё ещё будут трудные моменты. Лишь взглянув на её лицо можно сделать этот вывод.

— Не пойми меня неправильно, я не боюсь, но... Три года... Я просто хотела посмотреть, насколько сильно изменился мой брат по прошествии этих трёх лет.

— Понятно.

Явно сказано не всё, но это уже не плохо. Несколько учеников со второго года подошли к брату Хорикиты.

— Твой брат довольно популярен.

Это была естественная реакция, потому что этот человек не только был президентом студсовета, но он успешно выпустился из школы из класса А. Однако я не думал, что к нему будет повышенное внимание со стороны первогодок. В результате, вокруг него сформировался уже небольшой круг людей. Во время разговора, он вежливо отвечал всем, показывая на лице лёгкую улыбку. Выражение его лица было совершенно другим по сравнению с тем, что я видел недавно. Он словно освободился от груза, лежавшего всё это время на его плечах.

Хорикита же, в этот момент, пристально смотрит на него, при этом не моргая, словно она хочет запечатлеть этот момент в своём сердце.

А затем, перед Хорикитой-старшим появился один ученик – нынешний президент студсовета, Нагумо Мияби, ученик со второго года обучения. Рядом также оказывается вице-президент Кирияма, секретарь Мидзоваки, Тонокава и Асахина.

Конечно, атмосфера не была какой-то тяжёлой, но в ней определённо было что-то уникальное.

— Поздравляю с выпуском, Хорикита-семпай.

Нагумо подошёл к нему с искренней улыбкой и словами восхищения. И приветствовал его абсолютно без какой-либо неприязни.

— Это потрясающе, Хорикита-семпай. В конце концов, я не представлял, что для тебя мои действия вообще не возымеют никакого эффекта.

— Не совсем так. Честно говоря, я до самого конца не мог представить себе, что из этого всего выйдет. Наверное, стоит сказать, что я бы проиграл, будь ты на том же году обучения, что и я.

Но в данном случае, неважно, чтобы ты не предпринял, ты сильно ограничен в своих действиях.

Как бы сильно вы не хотели бороться, невозможно перепрыгнуть через этот барьер, потому что ты будешь сильно ограничен в своих действиях из-за невозможности участвовать в экзамене напрямую. Конечно, если вы настроены слишком серьезно, то можно было бы воспользоваться способом Рьюена – устроить драку вне всяких правил. Но я сомневаюсь, что Нагумо именно такой человек, так что он вряд ли предпринял бы что-то такое.

— Да, в этом ты прав. Эх, почему же я родился позже тебя?

В этих словах было лишь искреннее сожаление о том, что они не учатся в одной параллели.

— Ну, так уж получилось. Могу ли я пожать тебе руку?

— Конечно, у меня нет причин отказываться.

Хорикита-старший охотно согласился и, в результате, они пожали друг другу руки. Ненадолго воцарилась молчание, которое было наполнено теплотой.

Существует множество вещей, которые бывший и нынешний президент студсовета могут понять и без слов.

— У тебя впереди ещё целый год, который обязательно будет наполнен насыщенными событиями. Надеюсь, ты насладишься хорошей школьной жизнью.

Это был совет от старшего. И в этих словах не было и намёка на то, чтобы Нагумо перестал действовать так агрессивно.

— Спасибо. После ухода старших, я приложу все усилия, для того чтобы наступила меритократия*

[П\П: Меритократия – это означает «кто сильнее, у того и власть».]

На это заявление Хорикита-старший просто кивнул своей головой, после чего решил сказать ещё несколько слов.

— Ты сказал, что «сожалеешь о том, что ты родился позже меня» и, если честно, я испытываю похожие чувства. Жаль, что я не смогу увидеть ту школу, которую ты хочешь построить. Возможно, если бы я смог её увидеть, то полностью понял бы тебя.

— Не уверен насчёт этого. Я думаю, что моя точка зрения всё же отличается от образа мыслей семпая.

Тот, кто пытается придерживаться школьных традиций и правил и тот, кто пытается их нарушить. Это два противоположных мнения, так что конфликт интересов просто неизбежен.

— Ну, в любом случае, я думаю, здесь не должно возникнуть каких-либо проблем. Хорикита-семпай ведь оставляет после себя кое-кого, верно?

После этого, Нагумо обратил свой взгляд в мою сторону, смотря на человека, стоявшего немного позади меня. Там находилась сестра Хорикиты-старшего.

А сама Хорикита, в этот момент, вздрогнула, и по её лицу можно было заметить, что она сильно нервничала.

— Раз уж у тебя есть младшая сестра, то я думаю, всё будет хорошо.

Так как это брат и сестра, они обязательно встретятся в будущем. Нагумо имел в виду, что именно в этот момент встречи, его сестра может рассказать ему о новой школе.

— Кто знает... Возможно так и будет.

После этого, Хорикита-старший и Нагумо разжали свои руки.

— Спасибо тебе.

— Всегда пожалуйста.

Бывший президент студсовета Хорикита и нынешний президент студсовета Нагумо. Довольно неожиданно, но конец этой истории вышел достаточно тёплым и спокойным. Нагумо, скорее всего, уйдёт, чтобы не беспокоить остальных учеников. Возможно, такая комбинация президентов студсовета и выглядит потрясающе, но, с другой стороны, они могут привлечь слишком много внимания.

В результате, Нагумо решил подойти к Хориките, которая всё это время наблюдала за их разговором издалека. Назуна Асахина решила последовать за ним, в то время как остальные ученики – предположительно из студсовета – уже ушли, либо же им нужно было ещё поговорить с другими выпускниками.

— Ты ведь слышала, о чём мы говорили, правда? Надеюсь, ты получишь удовольствие от следующего года. Кстати, тебя ведь зовут...

— Хорикита... Э-эм, нет, то есть Сузуне.

Голос Хорикиты показывал, что она была сильно напряжена. Интересно, если бы не этот разговор между Нагумо и Хорикитой-старшим, чувствовала ли она себя точно так же?

Он обернулся и, конечно же, его взгляд был направлен на Хорикиту Манабу, бывшего президента студсовета. Это был человек, продолжавший сражаться, несмотря на высокий риск. Сейчас он был окружён учениками младших классов, которые хотели подарить ему выпускные букеты цветов.

— Сузуне, твой брат действительно потрясающий человек. Ты можешь гордиться тем, что он твой старший брат, — похвалив её, он вновь перевёл на неё свой взгляд.

— Знаю. И я уже горжусь им, — уверенно ответила Хорикита, вернув ему взгляд.

— Если у тебя есть какие-то вопросы, я с удовольствием отвечу на них. Сегодня я в довольно хорошем настроении.

— ...Тогда, с твоего позволения... Неужели ты ни о чём не жалеешь?

— О чём ты?

— В глазах президента студсовета Нагумо не было и намёка на облачность*

[П\П: Образное выражение - не было намёка на сожаление/грусть/и так далее.]

Думаю, она имела в виду ту сцену с рукопожатием. Со стороны казалось, что Нагумо действительно восхищался тем, что Хорикита Манабу выпустился из класса А. Однако у каждого из них был свой способ мышления. Нагумо пытался сделать так, чтобы Хорикита Манабу не выпустился из класса А.

Хорикита, будучи его младшей сестрой, не могла понять причину. Несмотря на яростную борьбу между ними, Нагумо всё же искренне похвалил её брата за выпуск из класса А.

— Я и не думал, что можно легко победить Хорикиту-семпая. Ты ведь также не смогла бы его победить, не так ли?

— Д-да... это так.

— Нагумо всего лишь признал, что проиграл Хориките-семпаю, — сказала Асахина, стоявшая рядом.

После этого, Нагумо перевёл свой взгляд на неё.

— Проиграл? А кто говорил, что я проиграл?

— А? Хорикита-семпай ведь выпустился из класса А. Разве это не значит, что ты проиграл? — ответила Асахина так, словно это было слишком очевидно.

Нагумо не стал медлить и сразу же указал на её ошибку.

— Конечно, если посмотреть на результат, то Хорикита-семпай действительно выпустился из класса А. Но разве этот результат означает, что я проиграл?

— Ну, да... А ты что думаешь? — спросила Асахина Хорикиту, стоявшую рядом.

Однако Хорикита не стала отвечать и просто ждала объяснений от Нагумо.

— Я действительно бросил ему вызов, но это не значит, что речь здесь шла о победе или же поражении. Даже если бы Хорикита-семпай попал в класс В, я бы не изменил о нём своё мнение. Его великолепные способности просто нельзя измерить, только смотря на рейтинг классов.

Асахина, казалось, всё ещё не была убеждена после этих слов Нагумо.

— Неужели непонятно? Я ведь теперь президент студсовета и, к тому же, я всё ещё нахожусь в классе А. Скажи, это точно можно назвать поражением?

— Э-эм, нет, но...

— Ученик второго года обучения не может по-настоящему бросить вызов ученику с третьего года обучения.

В его словах было противоречие. Хотя Нагумо и знал, что провести состязание между ними невозможно, но он продолжал бороться с Хорикитой-старшим.

— Я лишь хотел, чтобы меня признали... Нет, я специально сражался с семпаем, чтобы заставить его признать меня.

Если посмотреть с этой точки зрения, Хорикита-старший действительно признал Нагумо. Однако он принял лишь его способности. Это не значит, что он принял его взгляд на мир. Возможно, он хотел, чтобы оба этих аспекта были признаны.

— Твоё поведение очень напоминает влюблённую девушку.

— Ну, может и так. После своего выпуска, я узнаю, куда пошёл семпай и просто последую за ним.

На лице Нагумо не было ничего, похожего на разочарование или сожаление. Возможно, он действительно получал лишь удовольствие от такого взаимодействия с Хорикитой-старшим.

— Даже после выпуска? Серьёзно?

— По крайней мере, именно такой путь я выбрал для себя.

— Ох, ты, похоже, действительно запал на Хорикиту-семпая.

— Сейчас у меня нет врагов ни среди учеников второго года, ни, тем более, первого. Другими словами, в этой школе осталась лишь одна вещь, которая может избавить меня от скуки – изменить саму школу.

Нагумо заступил на пост президента студсовета полгода назад, но до сих пор не было предпринято каких-либо попыток что-либо изменить. И вот, после окончания сражения с Хорикитой-старшим и перейдя на третий год обучения – его план, наконец, будет реализовываться.

И я до сих пор не могу себе представить, во что это всё может превратиться.

— Впрочем, неважно. К слову, Аянокоджи, я ведь так и не смог выяснить о тебе что-нибудь.

Нагумо в первый раз перевёл свой взгляд на меня. Но его взгляд явно отличался от того, как он смотрел на Хорикиту-старшего и его сестру. Он посмотрел на меня «скучающим» взглядом.

— А разве это не значит, что во мне нет ничего такого, что нужно было бы выяснять?

Нагумо определённо чувствовал, что что-то не так. Это видно по его глазам. Это странное чувство явно вызывает у него интерес. А если это действительно так, то он вскоре начнёт проявлять ко мне повышенное внимание.

— Ну, с апреля тут будет настоящая меритократия. У тебя не останется другого выхода, кроме как сражаться, даже если тебе это не понравится.

После ухода Хорикиты-старшего, школа переходит под полный контроль Нагумо. Несмотря на то, что я не уверен в том, насколько сильное влияние имеет студсовет, но судя по уверенности

Нагумо, следующий год будет явно отличаться от предыдущего.

— Ты случаем не говоришь о состязании между классами разных годов обучения? — задала вопрос Хорикита, словно её заинтересовали слова Нагумо.

— Если бы я мог такое сделать, было бы просто идеально. Однако это невозможно, потому что школа не одобрит такое решение, — сказав это, Нагумо вздохнул и пожал плечами. — Но я изменю систему так, чтобы индивидуальные способности были более важными, чем сейчас. Ученики с превосходными навыками должны учиться в классе, находящемся вверху рейтинга. Разве это не логично?

Хорикита просто слушала объяснение Нагумо, не отрицая и не соглашаясь с его словами.

— И в дополнение к этому, я также предложу несколько идей, из-за которых несколько параллелей будут более смешанными между собой. Если школа одобрит это, то у меня появится возможность сразиться с тобой.

Нагумо сейчас обращался только к Хориките. Однако инстинкты мне подсказывали, что даже сейчас Нагумо пытается проанализировать меня.

— Мияби, не пора ли нам уже? Есть ведь ещё семпаи, с которыми нужно поговорить. Они ведь уже скоро уйдут.

— Да, ты права. Нас ведь ждёт ещё целый год, а с выпускниками поговорить можно только сейчас.

Нагумо и Асахина решили попрощаться не только с Хорикитой Манабу, но и с остальными третьегодками.

— Фуух... Да уж, разговаривать с таким человеком отнимает довольно много сил.

— Это ведь президент студсовета, как-никак.

Между нами всего один год, но разница просто огромная.

— Ладно, я возвращаюсь в общежитие. Я уже сделала то, что должна была сделать.

Кажется, она передумала разговаривать со своим старшим братом.

— Ты уверена в этом? Есть шанс, что завтра он уже не придёт.

— Да, я... Я понимаю, о чём ты...

Хорикита, кажется, не смогла решиться, и она уже сделала несколько шагов в сторону общежития. Я не мог заставить её остаться, так что я просто решил проводить её взглядом.

— А ты не идёшь?..

— Я подожду тут немного.

— Вот как... Ну, тогда увидимся позже.

И хотя Хорикита явно была немного взволнована насчёт моего решения, но она развернулась и пошла в сторону общежития. Я решил посмотреть на стоящих передо мной выпускников, в том числе и на Хорикиту Манабу. И нет, не то, что бы меня заинтересовало что-то конкретное. Причина была в том, что я захотел запечатлеть эту сцену у себя в памяти. Я всё ещё не могу увидеть, каким я стану через два года, но могу хотя бы попытаться представить, исходя из того, что я сейчас вижу.

И вот, постепенно, один за другим люди стали уходить отсюда. В конце концов, время расходится – пришло. Хорикита-старший также закончил прощаться со всеми, после чего он увидел меня и направился в мою сторону.

— Ты всё же остался?

Хорикита-старший, похоже, понимает, что мне не по душе такая атмосфера.

— Ты ждал меня?

— Да.

Он уже должен был понять, что я всё это время не разговаривал ни с одним выпускником.

— Я подумал, это может быть последней возможностью поговорить с тобой. Через сколько ты уходишь?

Я решил прямо спросить его о самом важном. Если он скажет, что вот-вот должен будет покинуть территорию школы, то мне нужно сразу же позвонить его сестре.

— 31-ого марта. В 12:30 я уже сяду в автобус.

Другими словами – через неделю. И хотя он уедет не сегодня, но время всё равно пролетит

незаметно.

— А Сузуне, похоже, ушла, верно?

— Она пришла посмотреть, насколько сильно ты изменился за эти три года, а после ушла.

Мы вдвоём повернулись в сторону общежития. Естественно, фигуры Хорикиты уже не было видно.

— Ясно.

По его голосу я не могу прочесть его эмоции. Но если никто ничего не сделает, они вдвоём так и не поговорят.

Но в этот момент беспокойства...

— Если не возражаешь, я бы хотел попросить тебя позвать Сузуне. Буду ждать 31-го в полдень у ворот.

— Не лучше было бы самому ей сказать это? Время ведь ещё есть.

Тут надо действовать быстро, если они хотят увидеться. Хорикита-старший уже вряд ли вернётся сюда.

— Я не знаю, будет ли она честна с собой. Я хочу, чтобы ты ей всё передал, хорошо?

— Это может закончиться не очень хорошо. Есть вероятность, что она не придёт, даже если я её позову.

А причина этому в том, что сейчас у неё существует внутренний конфликт.

— Когда наступит время, Сузуне придётся сделать выбор.

— Ты уверен, что это нормально?

Однако он ответил без каких-либо колебаний.

— Да, всё будет в порядке. Рассчитываю на тебя.

Ну, если мне не нужно брать на себя какую-то ответственность, то я просто могу передать ей это приглашение. У меня просто нет причин отказываться от этого.

На самом деле, я уверен, что Хорикита придет где-то на 80%.

Похоже, ледяная стена действительно начала таять.

— Я бы хотел поговорить с тобой побольше, но у меня ещё есть планы, так что...

Наверное, его уже пригласили младшеклассники. Видимо, сегодня он решил побыть учеником, а не братом своей сестры.

— Тебе ведь не хочется слышать эти длинные и бессмысленные истории?

— Ну, да, ты прав.

Независимо от его популярности, он довольно сильно выделяется, будучи бывшим президентом студсовета.

— Если всё в порядке, я хотел бы, чтобы ты так же пришёл проводить меня 31-ого.

— Я не думаю, что смогу нормально попрощаться перед толпой.

— Не волнуйся, я позову только Сузуне и тебя.

Я лишь легонько кивнул в знак согласия.

— Ну, тогда прошу меня простить, — сказав это, Хорикита-старший покинул меня.

Так как он – единственный среди выпускников, с которым я хотел поговорить, то я так же решил вернуться в общежитие.

— Аянокоджи-кун, давай пойдём вместе? — спросил подошедший Хирата.

Я уже видел его, когда наблюдал за третьегодками чуть ранее.

— Всё ли будет в порядке, если ты уйдешь?

— Да, ведь даже если сегодня и была церемония вручения дипломов, большинство семпаев всё

равно ещё останутся в школе на несколько дней. А особенно дружные ребята, кажется, будут проводить индивидуальные вечеринки.

Хирата, вероятно, уже получил несколько приглашений. Выпускникам разрешено оставаться в школе до 5-го апреля. Естественно, многие будут завершать определённые приготовления, чтобы затем покинуть школу с чувством выполненного долга.

У меня нет причин для отказа, так что я решил пойти в общежитие вместе с Хиратой.

Часть 7

И вот, идя в общежитие вместе и проходя через небольшие магазинчики, Хирата резко оборачивался на них. А через буквально секунду он снова смотрел вперёд. В течение нескольких минут он повторял подобные движения. У меня сложилось такое впечатление, что он постоянно искал возможности для разговора...

В итоге, Хирата, наконец, решился и он начал говорить.

— На самом деле, Аянокоджи-кун, я бы хотел кое о чём с тобой поговорить, — невнятно произнёс Хирата.

Я думал, что он хочет поговорить об итоговом специальном экзамене, но оказалось, что это не так.

— Тебе нужен совет?

— ...Д-да. Думаю, можно и так сказать, — ответил Хирата после небольшой паузы.

— Я не знаю, смогу ли помочь тебе, но могу хотя бы высказать своё мнение.

Конечно, нет ничего плохого в том, что Хирата хочет положиться на меня. Однако я даже представить себе не могу, что он хочет мне рассказать.

Некоторое время назад, у него были определённые проблемы, связанные с исключением Ямаучи. Однако эта проблема уже была решена. Возможно, что-то в его сердце ещё осталось, но здесь я уже ничем не смогу ему помочь.

— Может быть, это несколько неожиданно, но...

И вот, Хирата начинает излагать суть проблемы.

— Я... Ну... Я не очень много знаю о любви... И вот...

Хирата действительно сказал нечто неожиданное. Я бы никогда не подумал, что однажды буду давать ему любовные советы.

— Не очень много знаешь?..

Надо выслушать всю историю, так что я попросил его продолжить свой рассказ.

— Просто... Я никогда ещё не любил девушек, ну и...

Я мог отчётливо услышать стыд в его голосе.

— Другими словами, ты ещё не встречался с девушками?

— Д-да. Если, конечно, не считать Каруизаву-сан.

Этот факт не был чем-то неожиданным, а, скорее, удивительным. И хотя Хирата за этот год не выказывал признаков того, что он относится к парням и девушкам как-то по-разному, но я был уверен, что он уже встречался в прошлом.

Вообще, отношения с Кей не считаются. Эти отношения были лишь, для того чтобы предотвратить попытки издевательства над ней. Но если он ещё никого не любил...

— Значит ли это, что даже сейчас ты не испытываешь симпатию к какой-либо девушке?

— Д-да...

Конечно, относиться ко всем одинаково, можно посчитать за плюс, но это всё же несколько странно.

— А как насчёт Мии-чан?

Если говорить о ней, то она искренне высказывает признаки настоящей любви по отношению к Хирате.

— Я могу сказать только, что она мне призналась, но я не хочу с ней отношений.

Мии-чан говорила, что хочет начать с дружбы.

Помимо этого, конечно, она хочет развития до романтики. Однако, похоже, вряд ли всё дойдёт до этого, раз Хирата не хочет. К тому же, тянуть с ответом Мии-чан может быть не сильно хорошо...

Хирата явно испытывал некоторую неловкость. Получается, именно по этому вопросу я должен дать ему совет?

— Я знаю, что должен прямо ей сказать об этом... Но это довольно трудная задача.

Трудно сказать ей всё так, чтобы не сделать ей больно.

— Да, это действительно трудно.

— А-ага...

Из-за своей доброты, Хирата был вовлечён в подобную ситуацию.

— Но мы ведь говорим только о том, что происходит «сейчас», верно? Ты ведь не можешь заглянуть в будущее.

Любовь – это не то чувство, которое можно контролировать. Есть определённый переключатель, который может щёлкнуть в любой момент.

Возможно...

— Конечно, я не знаю, что может произойти, но...

Возможно ли, что Хирата просто не может увидеть, как их отношения с Мии-чан могут куда-то продвинуться? Не похоже, что он недоволен её характером или же внешностью. Хотя верно и то, что любовь нельзя понять только исходя из этого.

— Не могу сказать, что я дам «правильный» совет, но...

Но несмотря на это, Хирата, кажется, всё равно ждёт моего мнения на этот счет. А если так, то я могу сказать лишь одно.

— Ты должен всё прояснить, потому что Мии-чан искренне надеется на развитие отношений с тобой, — сказал я, смотря прямо в глаза Хирате.

Оттягивание лишь заставит Мии-чан ждать. В этом случае лучше сказать это как можно раньше. Если же она не перестанет думать о Хирате, то тут уже ничего не поделать.

Хирата тут же отвёл свой взгляд.

— ...Даже если ей будет больно?

— Постоянное ожидание также сделает ей больно, не так ли? — спросил я, вновь посмотрев ему в глаза.

Однако сразу же после этого, Хирата вновь отвёл взгляд.

— У-ум... Д-да, ты прав...

Хирата несколько раз повторил это про себя. И, наконец, он пришёл к решению.

— Спасибо тебе, Аянокоджи-кун. Твои слова придали мне смелости. Если я не хочу причинять человеку боль, то лучше не убегать от проблемы.

Похоже, он получил тот самый «совет».

— Ты сможешь сказать ей об этом правильно?

— Нет, я не знаю, как сделать это лучшим образом, но я понимаю, что мой образ мышления был неверным.

Хирата всё взвесил. Лучше быть честным, чем молчать. Он понял, что будет лучше для Мии-чан и избавился от сомнений. Возможно, если бы он не поговорил со мной сегодня, то прийти к нужному решению так и не смог бы, что неизбежно бы привело к проблеме. Он продолжал бы искать способ сделать так, чтобы «не причинить боль», вечно блуждая в лабиринте.

Спустя некоторое время после решения этой проблемы, Хирата всё ещё вёл себя так, словно хотел сказать что-то.

— Что-то случилось? — спросил я.

— Э-эм... С этого момента... Не возражаешь, если я с этого момента буду обращаться к тебе Киётака-кун?

— А?

Он определённо сказал нечто странное.

— Ну, если ты, конечно, не возражаешь... Можешь ли ты меня так же звать по имени?

Всё ведь в порядке, если наши дружеские отношения начинают немного продвигаться, верно? До этого такое уже происходило с Кейсеем, Акито, Харукой и Айри, так что, думаю, в этом нет ничего плохого.

— Если ты не возражаешь, то да, конечно.

Когда я согласился, Хирата улыбнулся от всего сердца.

— Правда? Это не вызовет проблем?..

— Это ведь просто обращение к человеку по имени. Разве для тебя необычно слышать Йоске?

Конечно, если парень и девушка называют друг друга по имени, то здесь можно было бы задуматься, но в данном случае ведь нет ничего необычного, так что...

— Да, в этом не было ничего такого... До «того» инцидента.

Под «этим» инцидентом Хирата имеет в виду издевательства над его другом, совершившего даже попытку самоубийства, в средней школе.

— Я боюсь сближаться с кем-то с тех самых пор... Я старался не выделять никого и относиться ко всем одинаково.

Другими словами, равное отношение ко всем ученикам. Хотя за последний год он сделал огромный скачок вперёд в общении со многими людьми.

— После того случая... Я действительно боюсь сокращать расстояние между мной и остальными. И всегда пытался относиться ко всем одинаково, чтобы не делать кого-то более «важным» для меня.

С того момента прошло уже два года и за всё это время он обращался к каждому по фамилии. И он не пытался выделить кого-то, вместо этого относясь к другим одинаково. Это касается даже Ямаучи, которого единогласно решили исключить из школы.

Кажется, он вновь разрушил свою скорлупу*.

[П\П: Идиома. Изменил свой взгляд на жизнь/расширился кругозор.]

Если оглянутся назад, можно увидеть, что многие ученики повзрослели за это время. Рост Хираты же даже можно назвать значительным.

— Вот почему... Спасибо тебе огромное, Киётака-кун.

Теперь он решил посмотреть на меня, а в его взгляде читалось, что он решался мне что-то сказать.

— Знаешь, когда ты смотришь на меня так, это немного... беспокоит.

Я решил честно ему признаться в этом. У меня были очень странные ощущения...

Продолжение следует...

Работали над переводом: (команда RanobeList):

Перевод — Oleg Morozov, Oldenburg

Редактура — Dyrak Glen

Пост редактора — edelweiss_268

Бета — Mijiro

Не забудьте вступить в нашу группу ВКонтакте: <https://vk.com/ranobelist>

<http://tl.rulate.ru/book/4241/744351>